

Вильгельм Кейтель
Мемуары фельдмаршала. Победы
и поражение вермахта. 1938-1945

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609435
В.Кейтель. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражение вермахта. 1938 – 1945 гг.:
Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 5-9524-1420-6

Аннотация

Вильгельм Кейтель – начальник штаба Верховного командования вермахта (ОКВ). Был приговорен к казни через повешение. Мемуары генерал-фельдмаршала написаны за несколько недель до приведения приговора в исполнение в тюрьме Нюрнберга.

В книге представлены переписка Кейтеля с родными и составленные им документы военно-стратегического и организационного характера.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вильгельм Кейтель

Мемуары фельдмаршала. Победы и поражение вермахта. 1938 – 1945 гг.

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

БИОГРАФИЯ И КАРЬЕРА ФЕЛЬДМАРШАЛА КЕЙТЕЛЯ (1882 – 1946), НАПИСАННАЯ ВАЛЬТЕРОМ ГЕРЛИЦЕМ

На исторических фотографиях начальник штаба Верховного командования вооруженными силами Германии фельдмаршал Вильгельм Кейтель, подписывающий в Карлсхорсте под Берлином акт о безоговорочной капитуляции, выглядит как типичный представитель германского юнкерства, каким его всегда представляли себе союзники по антигитлеровской коалиции, – высокий, широкоплечий мужчина со слегка осунувшимся, но гордым и твердым лицом и моноклем, прочно вставленным в левый глаз. В час, когда тоталитарный режим Германии окончательно рушился, он демонстрировал, что является офицером старой школы, несмотря на то что в его облике не было никаких черт непреклонного прусского офицера.

Даже высококвалифицированные американские психологи, которые наблюдали и допрашивали его во время заключения, были склонны увидеть в нем прототип юнкера, прусского солдата; возможно, потому, что у них никогда не было реальной возможности изучить класс прусских юнкеров. На самом деле Кейтель происходил из совершенно другой среды.

Семья Кейтеля принадлежала к среднему классу землевладельцев из Ганновера, из региона с ярко выраженными антипрускими традициями; дед фельдмаршала арендовал земли у Ганноверского королевского двора и был близок с королевской семьей Ганновера, свергнутой Бисмарком. Военные устремления и традиции были абсолютно чужды этой семье, и в безмолвном протесте против аннексии Пруссией королевства Ганновер в 1866 г. дед Кейтеля в 1871 г. приобрел поместье Хельмшерод площадью 600 акров в районе Гандерхейм герцогства Брюнсвик, по-прежнему ненавидя все прусское; и, когда его сын, отец фельдмаршала, поступил добровольцем на год в полк прусских гусар и приехал домой в отпуск, ему было строго-настрого запрещено переступить порог Хельмшерода до тех пор, пока на нем была ненавистная прусская форма.

Поместья Брюнсвика вроде Хельмшерода были похожи на большие поместья к востоку от Эльбы; их владельцев нельзя было так просто отнести к классу юнкеров. Карл Кейтель, отец фельдмаршала, вел жизнь зажиточного фермера. В отличие от своего сына, который был азартным охотником и любил верховую езду и лошадей, он придерживался принципа, что хороший фермер не может быть охотником; эти две вещи несовместимы. Его сын совершенно искренне не желал ничего, кроме как когда-нибудь научиться самому управлять поместьем Хельмшерод; в его венах текла кровь фермеров. Он не много знал о земледелии, но, как потомок старинного рода арендаторов-землевладельцев и владельцев поместий, он унаследовал талант организатора. Несколько раз Кейтель обдумывал мысль отказаться от солдатской жизни, но обостренное чувство долга, как он его понимал, подогреваемое его честолюбивой и решительной женой, побудило продолжить военную службу.

Упрямство его отца, который не хотел отходить от управления Хельмшеродом, пока позволяет его здоровье, и усиливавшееся стремление землевладельцев сделать военную карьеру, в особенности после победоносной Франко-прусской войны 1870-1871 гг., привели к тому, что наследник Хельмшерода, Вильгельм Бодевин Иоганн Густав Кейтель, родившийся 22 сентября 1882 г., стал офицером. Как гласит семейное предание, он почти заплакал, когда окончательно решил расстаться со всякой надеждой стать фермером. В пользу этого решения был еще один довод, характерный для нового поколения фермеров среднего класса: если ты не мог быть фермером, то тогда только профессия офицера соответствовала

твоему рангу. Но офицерский состав, по крайней мере в маленьких северных и центральных областях Германии, был исключительно прусским. Каким унижением это было для семьи с такими сильными антипрусскими традициями!

Ничто в его юности и первые офицерские годы не давало намека на то, что молодому Кейтелю предстоит подняться на высший пост в вооруженных силах Германии и что этот пост принесет ему такую мучительную смерть. Он был плохим учеником. Его истинными интересами, как уже говорилось, были охота, верховая езда и занятия сельским хозяйством. После окончания школы в Геттингене в марте 1901 г. он поступает в 46-й Нижнесаксонский артиллерийский полк, штаб и первый отряд которого располагались в Вольфенбюттеле в Брюнсвике.

Несмотря на плохую учебу в школе, молодой лейтенант Кейтель оказался хорошим и добросовестным солдатом. По его предыдущей жизни нельзя было утверждать, что он склонен к аскетизму. И хотя это было так, он ненавидел легкомыслие и отвергал неумеренность в удовольствиях. Когда он и его товарищ Феликс Бюркнер, известный наездник, были в 1906 г. приняты в Военную кавалерийскую академию, они пообещали друг другу, что «не будут развлекаться и заводить отношения с женщинами».

Будучи командиром дивизии в Бремене в 1934-1935 гг., по должностным поручениям Кейтель, естественно, пользовался служебной машиной, но его жена ездила на трамвае, поскольку своей собственной машины у них не было. Такая строгость и чрезвычайная корректность были характерны для этого человека. Во время войны, на пике топливного кризиса, Кейтель, начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил, шокировал высших руководителей СС, обслуживающих государственные похороны, приезжая на скромном «фольксвагене», в то время как они, господа с серебряными черепами на фуражках и девизом «Наша честь заключается в нашей преданности», подъезжали на громадных сверкающих лимузинах.

Так или иначе, молодой Кейтель вскоре привлек к себе внимание своих начальников. Сначала его имя было представлено командованию показательного полка училища полевой артиллерии, затем обсуждалось, не выдвинуть ли его на должность инспектора тренировочного подразделения для офицеров-новобранцев.

В апреле 1909 г. лейтенант Кейтель женился на Лизе Фонтайн, дочери богатого владельца поместья и пивовара из Вульфеля, близ Ганновера, яростного антипрусси́ста, для которого первое время новый «прусский» зять не был желанным членом его семьи.

У Лизы Фонтайн было много интеллектуальных и художественных интересов; в юности она была очень красивой, но жесткой в поведении. Насколько можно судить по оставшимся после нее письмам, она была, скорее всего, более сильным и явно более честолюбивым партнером в этом браке; Вильгельм Кейтель же был просто обыкновенным офицером, единственным тайным стремлением которого было стать фермером и управлять Хельмшеродом. Это супружество, которое было осчастливлено тремя сыновьями и тремя дочерьми, одна из которых умерла в юности, прошло сквозь все испытания и несчастья. Даже когда настал самый страшный час и ее муж был приговорен к смерти Международным военным трибуналом в Нюрнберге, Лиза Кейтель сохранила самообладание. Что касается сыновей Кейтеля, которые все стали офицерами, то старший женился на дочери фельдмаршала фон Бломберга, военного рейхсминистра, в чьей гибели был виновен Кейтель, хотя и не преднамеренно; а младший сын впоследствии погиб, сражаясь в России.

За умение хорошо выражать свои мысли командир полка Кейтеля выбрал его своим адъютантом. В прусско-германской армии эта должность была очень ответственной: в обязанности полкового адъютанта входили не только вопросы управления личным составом, но также разработка мобилизационных мероприятий и многое другое.

Но его начальники, видимо, верили, что лейтенант Кейтель способен на гораздо большее: во время осенних учений 10-го корпуса, в который входил его полк, начальник штаба корпуса полковник барон фон дер Венге завязал с ним разговор, из которого Кейтель сделал вывод, что его выдвигают в среду щеголей Генерального штаба; и это предчувствие его не обмануло. Таким образом, зимой 1913/14 г., человек, который всю свою жизнь ненавидел бумажную работу, начал, как он сам писал в первой части своих воспоминаний, изучать «серого осла», как это время называли в немецкой армии справочник для офицеров Генерального штаба.

В марте 1914 г. Кейтель проходил курсы корпуса для действующих и будущих офицеров Генерального штаба; на эти курсы были откомандированы четыре офицера Генерального штаба сухопутных войск, в том числе капитаны фон Штюльпнагель и фон дер Бусше-Иппенбург, оба позднее стали влиятельными людьми в республиканском рейхсвере.

Именно Бусше-Иппенбург, занимавший в маленькой республиканской армии ключевую должность начальника отдела кадров вооруженных сил, согласно первой части воспоминаний Кейтеля, перевел его в отдел Т-2 так называемого «Войскового управления», секретного агентства, организованного взамен Генерального штаба, запрещенного по Версальскому договору.

На войну Кейтель ушел с 46-м артиллерийским полком и в сентябре 1914 г. был довольно серьезно ранен осколком снаряда в правое предплечье. В его семейных документах есть несколько писем, написанных им его отцу и тестю, а также его женой к ее родителям, которые показывают отношение Кейтеля к этой первой великой и ужасной войне в Европе. Естественно, по долгу службы он был обязан свято верить в победу Германии, но в то же самое время глубоко внутри него была печальная убежденность в том, что на самом деле все, что они могут сделать сейчас, – это всего лишь держаться изо всех сил. Таковым было и его отношение ко Второй мировой войне. Непреклонное исполнение своих обязанности, слепое повиновение и никакой надежды на победу. Он выполнял приказы своего главы государства и продолжал служить ему даже на Нюрнбергском процессе, несмотря на признаваемую им самим неспособность понять этого последнего верховного вождя Германии.

Поворотной точкой в его карьере как офицера стало назначение в Генеральный штаб в 1914 г.; Генеральный штаб – со времен Мольтке – был элитой офицерского состава. Его письма той поры показывают, каким тяжелым был этот удар, обрушившийся на него, и как хорошо он понимал, что ему недостает интеллектуальных возможностей для этой новой работы; а письма его жены – огромную гордость в связи с назначением ее мужа.

Относительно последующих лет службы Кейтеля в эшелонах высшего командования республиканского рейхсвера есть достаточно свидетельств сильной нервозности Кейтеля и ненасытной его страсти к работе.

Об отношении Кейтеля к кайзеру Вильгельму II или прусской монархии в период окончания Первой мировой войны, когда Кейтель служил в Генеральном штабе в чине капитана в военно-морском корпусе во Фландрии, практически ничего не известно.

В течение долгого времени, по словам его старшего сына, на письменном столе у Кейтеля стоял портрет наследного принца Вильгельма, даже в министерстве обороны рейха, но в конце концов он убрал это изображение не вполне достойного наследника прусских королей и германских императоров.

В письме своему тестю от 10 декабря 1918 г. Кейтель пишет, что в ближайшем будущем он хочет оставить профессию офицера «навсегда». Но тем не менее, этого не происходит. После короткого периода службы пограничником на польской границе и службы офицером Генерального штаба в одной из новых бригад рейхсвера и еще после двух лет преподавания в Ганноверской кавалерийской школе Кейтель был переведен в министерство обороны рейха, в войсковое управление, замаскированный Генеральный штаб, с назначением якобы в орга-

низационный отдел сухопутных сил, Т-2. Как он писал в письме к своему отцу 23 января 1925 г., он был зачислен не в сам отдел Т-2, а на должность старшего над ближайшим окружением тогдашнего начальника войскового управления генерал-лейтенанта Ветцеля. На этой должности Кейтель в основном занимался тем, что пытался увеличить скромные резервы – официально запрещенные Версальским договором – для малочисленного рейхсвера; работал он и над организацией военных пограничных структур для охраны германско-польской границы. В маленьком войсковом управлении с его четырьмя отделами (Т-1, оперативным; Т-2, организационным; Т-3, разведывательным, и Т-4, боевой подготовки) он очень близко сошелся с некоторыми офицерами, и их пути неоднократно пересекались. Вернер фон Бломберг, который впоследствии стал главным начальником Кейтеля в качестве военного рейхсминистра, начинал как начальник отдела Т-4, а с 1927-го по 1929 г. был начальником войскового управления, другими словами, *de facto* начальником Генерального штаба. Полковник барон фон Фрич был начальником отдела Т-1. Именно Фрич как главнокомандующий сухопутными войсками в 1935 г. выдвинул Кейтеля на должность начальника Управления вооруженных сил (*Wehrnachamt*). Полковник фон Браухич, впоследствии рекомендованный Кейтелем на должность главнокомандующего сухопутными силами, также некоторое время был начальником Т-4.

В сентябре 1931 г. начальник Т-2 Кейтель и главы Т-1 и Т-4, генерал-майор Адам и полковник фон Браухич, наносят дружественный визит в Советский Союз; в это время между рейхсвером и Красной армией были весьма теплые отношения, и этой традиции уже было около десяти лет. Среди документов фельдмаршала нет никаких записей, которые могли бы пролить свет на военный опыт, приобретенный в этой поездке, но в письме к своему отцу от 29 сентября 1931 г. он описывает свои впечатления от русской экономики и дает высокую оценку армии этой страны; строгое руководство и уважительное отношение к армии произвели сильное впечатление на немецкого подполковника.

После 1930 г., когда на протяжении нескольких лет Кейтель возглавлял организационный отдел, начались первые секретные приготовления по созданию так называемой армии «А», резервных войск, предназначенных для устроения численности существующей армии из семи пехотных и трех кавалерийских дивизий в случае чрезвычайного положения в стране или при ослаблении условий разоружения, наложенных на Германию. Даже заклятый враг Кейтеля, фельдмаршал фон Манштейн, который даже не упоминает Кейтеля в своих воспоминаниях¹ об их поездке в Россию в 1931 г., вынужден согласиться, что в области военного дела Кейтель проделал великолепную работу.

С другой стороны, в письмах его жены к ее матери и иногда даже в письмах самого Кейтеля к его отцу мы видим отражение тяжести и смутности последних лет первой германской республики: Лиза Кейтель зачастую жаловалась на огромную массу бумажной работы, свалившейся на ее мужа, и его нервозность – черту, которой никто не предположил бы в таком сильном человеке. Политика, как таковая, затрагивалась лишь слегка. Как большинство из так называемых примерных граждан Германии, оба супруга Кейтель поддерживали Гинденбурга, который был избран президентом рейха в 1925 г.; после него они болели за многообещающего и энергичного рейхсканцлера Брюнинга (1931 – 1932), а затем – за Франца фон Папена, при чьем управлении армия получила еще больше возможностей.

Очень жаль, что у нас нет комментариев Кейтеля по поводу наиболее загадочной и важной фигуры в тогдашнем министерстве обороны рейха, генерале фон Шлейхере, который сначала возглавлял главное управление, а затем – управление министерства, офицере, который с 1932 г. был министром обороны рейха, а в конце, с декабря 1932 г. по 28 января 1933 г., был последним перед Гитлером рейхсканцлером.

¹ Манштейн фон Эрих. Из жизни солдата. Бонн, 1958. Р. III.

Возможная причина их отсутствия может заключаться в его болезни поздней осенью 1932 г., когда он страдал от сильнейшего флебита на правой ноге, на который он поначалу не обращал внимания, и даже продолжал ходить пешком от своего дома в Западном Берлине до здания министерства обороны на Бендлерштрассе, – явное доказательство его ревностного отношения к своему долгу. Конечным результатом этого стал тромбоз и плевральная эмболия, сердечный приступ и двустороннее воспаление легких. Его жена в это время тоже страдала от болезни сердца, и период выздоровления у них совпал.

В течение тех месяцев, когда начальник отдела войскового управления Т-2 лежал больной, он сначала вызывал подчиненных к своей постели для повседневного инструктажа и все время думал написать заявление об отставке. Если бы Кейтель в эти месяцы был на работе, то он, возможно, поддержал бы генерала фон Шлейхера, тогдашнего рейхсканцлера и министра обороны.

Он все еще находился в клинике в горах Высокие Татры в Чехословакии, когда 30 января 1933 г. президент фельдмаршал фон Гинденбург провозгласил фюрера Национал-социалистической партии Германии Адольфа Гитлера 21-м рейхсканцлером Германской республики. По воспоминаниям Кейтеля, первая реакция человека, который, в конце концов, был одним из старших офицеров Генерального штаба Германии, на это назначение была в высшей степени негативной. Он рассказывает о том, как его засыпали вопросами и в клинике д-ра Гура Татра-Вестерхайм, и на протяжении всего пути назад в Берлин: что же теперь будет?

«Я заявил [пишет Кейтель], что считаю, что Гитлер – это *ein Trommler*, «барабанщик», который имеет огромный успех среди простых людей только благодаря силе своего красноречия; я сказал, что сомневаюсь, подходит ли он на самом деле для роли рейхсканцлера».

Большинство старших офицеров рейхсвера с такой же явной осторожностью приняли нового рейхсканцлера, пришедшего после двадцати предыдущих за последние восемнадцать скорбных лет Веймарской республики. Как бы то ни было, Гитлер стал рейхсканцлером и, что было более существенно для подполковника Кейтеля, генерал-лейтенант фон Бломберг, бывший одно время его начальником в войсковом управлении, с которым, по его собственным словам, он с самого начала очень хорошо ладил и о чьем уходе очень сильно сожалел, стал теперь рейхсминистром обороны при Гитлере:

«Бломберг между тем был переведен в министерство обороны рейха, рейхспрезидент внезапно вызвал его из Женевы, где он возглавлял германскую делегацию на конференции по разоружению. За его назначением стояли фон Рейхенау и генерал фон Гинденбург, сын рейхс-президента. Гитлер долгое время был знаком с фон Рейхенау, и последний уже оказывал ему – по его же словам – огромную поддержку во время его избирательных поездок по Восточной Пруссии, когда он завоевывал для партии эту провинцию.

В начале мая [1934 г.] были проведены первые крупномасштабные учения Генерального штаба в Бад-Нойхеме под руководством нового главнокомандующего сухопутными силами генерал-полковника барона фон Фрича; фон Фрич сменил фон Гаммерштейна в качестве главнокомандующего 1 февраля. Я хотел бы заявить здесь, что фон Бломберг пытался представить кандидатуру Рейхенау лично президенту рейха, даже угрожая уйти в отставку, но старый Гинденбург отослал их обоих и назначил барона фон Фрича, нисколько не принимая во внимание попытки Гитлера поддержать Бломберга в его борьбе за Рейхенау. Таким образом, первая попытка передать армию в руки национал-социалистического генерала не удалась. Когда я сразу же после его назначения встретился с Фричем, чтобы поздравить его, он сказал, что я был первым, кто сделал это, и по старой памяти он был чрезвычайно рад этому».

Теперь уже нельзя точно определить, что же объединяло Кейтеля и Бломберга: Бломберг был весьма одаренным, чрезвычайно умным и интересовался самыми различными вещами, намного превосходя стандартный образец прусского офицера; Кейтель был добросовестным, лояльным, выдающимся экспертом в своих областях. Возможно, это и стало причиной, по которой Бломберг выбрал его в качестве своего ближайшего коллеги, особенно потому, что в это время на повестке дня стояло увеличение армии, и никто не мог бы взяться за эту проблему так успешно и так рьяно, как Кейтель.

После выздоровления Кейтель задержался немного на своем старом посту главы отдела Т-2. Первый раз он встретился и поговорил с Гитлером в Бад-Рейхенхалле в июле 1933 г. – все еще в должности главы организационного отдела в войсковом управлении – на собрании старших военачальников *Sturmabteilung, SA*, – штурмовых отрядов – личной армии национал-социалистической партии.

В одном из писем его жены к ее матери, написанном 5 июля 1933 г., описываются впечатления Кейтеля от Гитлера: «У него был продолжительный разговор с Гитлером, он был вызван в его загородный дом и был в полном восторге от него. Его глаза были удивительными, и как этот человек мог говорить!...»

Любопытно, что ни Гитлер, ни Кейтель, похоже, потом не вспоминали этот разговор, потому что позднее Кейтель говорит, что он познакомился с Гитлером только в 1938 г., когда на пике кризиса с Бломбергом и Фричем Гитлер захотел встретиться с «этим генералом *фон* Кейтелем», о котором он явно не вспоминал на протяжении пяти лет. Можно отметить, что это было характерно для Гитлера, – он автоматически пропустил, что имя Кейтеля, как прусского генерала, имело приставку *фон*, говорящую о дворянском происхождении.

Конференция в Бад-Рейхенхалле была созвана Гитлером, чтобы сгладить трения, существовавшие между легальными вооруженными силами Германии и полувоенными партийными войсками *SA*, проблемы, на которой Кейтель в своих мемуарах останавливается довольно подробно; его воспоминания об этом времени как командующего 3-й пехотной дивизией в Потсдаме в 1934 г. проливают новый свет на подоплеку того, что потом назвали «ночью длинных ножей» – кровавой чистки *SA*. Кейтель откровенно выступает против темных интриг *SA*:

«Группировка *SA* в Берлине – Бранденбурге под командованием генерала *SA* Эрнста – бывшего ученика официанта, который в шестнадцать лет был добровольцем-вестовым на мировой войне, – стала заметна благодаря ее интенсивной деятельности в моем регионе [Потсдам]. Повсюду создавались все новые отряды *SA*, которые пытались установить контакты с офицерами рейхсвера по всей моей области. Эрнст также нанес несколько визитов и мне, но я так и не смог определить, что действительно стояло за этим. Летом 1934 г. он начал заводить разговоры вокруг наших секретных [и нелегальных] оружейных складов в моей области; он полагал, что они находятся в опасности, потому что им недостает охраны, и предложил обеспечить их охраной. Я поблагодарил его, но предложение его отклонил; одновременно с этим я сменил дислокацию нескольких складов (пулеметов и винтовок), потому что я опасался, что эти места были выданы ему. Мой офицер Генерального штаба (майор фон Ринтелен) и я оба чувствовали опасность; мы нисколько не доверяли группировке *SA* и относились весьма подозрительно к неясной подоплеке их бурно выражаемого дружелюбия.

Фон Ринтелен служил в разведывательной службе под командованием полковника Николаи [начальник контрразведки Генерального штаба и разведывательной службы во время Первой мировой войны], поэтому был грамотным офицером разведки, и я позволил ему применить свои умения в этой «области» и заглянуть за кулисы происходящего. Для видимости он просто проверял некоторые предложения людей Эрнста. Тем временем мы свернули самые маленькие оружейные склады, которые не были защищены с военной точки зрения, и перевели их в ремонтные мастерские в Потсдам.

Фон Ринтелен сумел пролить достаточно света на происходящее благодаря болтливости штурмовиков. Хотя мы не подозревали ни о каких политических планах, которые мог бы задумать такой человек, как Рем, мы узнали, что они собирали оружие для какой-то «операции» в Берлине в конце июня и что их готовили – при необходимости – добыть его, захватив военные оружейные склады, местонахождение которых было им выдано.

Я поехал в Берлин и позвонил в военное министерство, чтобы поговорить с фон Фричем, но не застал его там. Я отправился к Рейхенау, а затем с ним – к Бломбергу и там рассказал о секретных планах берлинской группировки СА. Меня выслушали с прохладцей и сказали, что это всего лишь фантазии: СА лояльны к фюреру, и от них, без сомнения, не исходит никакой опасности. Я сказал, что я не удовлетворен этим. И приказал фон Ринтелену поддерживать контакт и продолжать дальнейший сбор информации о намерениях СА. Примерно во второй половине июня Эрнст вновь нанес мне визит в моем офисе в Потсдаме, сопровождаемый своим адъютантом и начальником штаба [фон Мореншильдом и Сандером].

Я вызвал Ринтелена присутствовать как наблюдателя. После полного набора пустых фраз Эрнст вновь завел разговор об оружейных складах, убеждая меня доверить ему их охрану в тех местах, где не были размещены воинские подразделения: у него была информация, как он сказал, что коммунисты знают, где находятся эти склады, и он боится, что они захватят их. Я вступил в разговор и рассказал ему о трех местных маленьких складах, про которые, однако, я знал, что они уже были вывезены. Меры по передаче их под охрану должны были быть разработаны в ближайшем будущем с директором оружейных складов, и Эрнсту должны были сообщить об этом. Наконец Эрнст простился со мной, сказав, что в конце этого месяца он надолго покидает страну и что он назовет мне своего представителя.

С этой новой информацией о планах путча майор фон Ринтелен в тот же день поехал в Берлин и позвонил Рейхенау в военное министерство; этот внеплановый визит Эрнста был окончательным подтверждением всех наших подозрений. Ринтелен встретился с Бломбергом, который теперь начал серьезно относиться к этому. Позже он проинформировал меня, что в тот же день он сообщил эти новости Гитлеру, и последний ответил, что он поговорит об этом с Ремом, хотя Рем избегал его в течение нескольких недель, поскольку Гитлер считал необходимым строго спросить с него касательно народной милиции.

Путч 30 июня не произошел. Гитлер из Бад-Годесберга сразу же улетел в Мюнхен, где он получил самые последние новости о планах, вынашиваемых Ремом. Рем созвал всех своих соучастников в Бад-Висзее. Гитлер прибыл туда на рассвете и захватил заговорщиков с поличным. Таким образом, можно сказать, что план Рема был расстроен в тот самый день, когда он организовывал этот путч. Никакого путча не произошло. Согласно документам, захваченным Гитлером в Бад-Висзее и показанным Бломбергу, путч был направлен главным образом против армии – то есть рейхсвера – и ее офицерского корпуса, как оплота реакции. Они считали, что Гитлер явно просмотрел этот этап в своей революции, но они смогут исправить это сейчас. Бломберг и Фрич должны были быть смещены – Рем хотел заполучить одну из этих должностей себе.

Поскольку план Рема, по сути, заключался в усилении вооруженных сил, разрешенных нам по Версальскому договору, многочисленной народной милицией по швейцарской модели, это было уже хорошо известно фон Шлейхеру [прежнему рейхсканцлеру и военному министру].

Рем задумал превратить СА с их революционным офицерством, состоявшим главным образом из бывших армейских офицеров, недовольных своей отставкой и поэтому враждебно настроенных к рейхсверу, в будущую народную армию по территориальному принципу. Она никогда не стала бы работать совместно с рейхсвером, а только против него, что

означало бы ликвидацию рейхсвера. Рем знал, что Гитлер уже отверг такие идеи, поэтому он хотел принудить Гитлера к сотрудничеству, поставив его перед свершившимся фактом.

К сожалению, генерал фон Шлейхер также приложил к этому руку: он всегда был кошкой, которая не устоит перед политическими мышами. Вот почему Шлейхер и его эмиссар фон Бредов, который ехал в Париж с предложениями Рема к французскому правительству, были арестованы. Я не осведомлен, предпринял ли кто-нибудь из них попытку вооруженного сопротивления, но сегодня я склонен думать, что нет. Оба были расстреляны.

Фон Бломберг хранил в своем сейфе список фамилий тех, кто был расстрелян; в нем было семьдесят восемь имен. Очень жаль, что во время Нюрнбергского трибунала свидетели, даже Юттнер [генерал-лейтенант СА], умолчали о реальных планах Рема и старались замять это дело. В этих планах участвовали и были полностью посвящены в них только высший эшелон руководящих кадров СА; среднее звено СА и офицеры рангом ниже полковника не имели о них ни малейшего понятия и, скорее всего, никогда о них и не узнали.

Тем не менее, то, что он [Бломберг] сказал в благодарственной телеграмме Гитлеру, безусловно правильно: решительным личным вмешательством Гитлера в Бад-Висзее и предпринятыми им действиями он смог предотвратить назревавшую опасность до того, как она разгорелась в разрушительный пожар, который унес бы во сто крат больше жизней, чем это произошло в конечном итоге. Почему виновные стороны не предстали перед военным трибуналом, а были просто расстреляны, находится за пределами моего понимания».

Этот комментарий характеризует непосредственность фельдмаршала. То, что Гитлер не имел законного права устраивать эти казни, то, что это было явным нарушением законности, не поняли в 1934 г. ни Бломберг, ни Кейтель: они увидели впереди только неясные и внушающие опасения очертания постреволюционного состояния СА, в лице подставной фигуры Рема. Как напишет позже фельдмаршал фон Манштейн: «Чем больше те дни отдаляются от нынешних, тем больше людей, кажется, склонны преуменьшать степень опасности, представляемой СА во времена командования такого человека, как Рем; они же представляли опасность не только для рейхсвера, но и для всего государства».

Карл Эрнст, лидер Берлинской группировки СА, его адъютант и начальник штаба были расстреляны в ночь с 30 июня на 1 июля, в «ночь длинных ножей»; Эрнст Рем, начальник штаба СА, был расстрелян на следующий день рано утром; генерал Курт фон Шлейхер и его жена были убиты в эту ночь в своем доме в Ной-Бабельсберге, а также был расстрелян генерал-майор фон Бредов.

Весной 1934 г. умер отец Кейтеля, и он получил в наследство поместье Хельмшерод. Кейтель подал прошение об отставке, поскольку решил полностью посвятить себя делам семейного поместья; он хотел уйти в отставку с 1 октября 1934 г. Но его вызвал начальник военного кадрового управления, генерал Швельдер, который сказал ему, что Фрич готов предложить ему должность командующего дивизией под Хельмшеродом, и Кейтель выбрал 22-ю пехотную дивизию в Бремене, отзывав свое заявление об отставке. «Такова сила человеческой судьбы», – говорит Кейтель в своих воспоминаниях. Но он недолго был на этой новой должности.

«В конце августа [1935 г.] мне позвонил командующий военным округом [генерал фон Клюге], который хотел, чтобы я приехал и встретился с ним, чтобы обсудить что-то очень срочное. В это время я был на учебном полигоне в Ордруфе; вблизи которого мы и встретились и спокойно поговорили с глазу на глаз.

Он был крайне дружелюбен, рассказал мне, что 1 октября я должен сменить фон Рейхенау на посту начальника вермахта [управления вооруженных сил] в министерстве Бломберга и что другому кандидату на этот пост, фон Фитингофу, уже отказали. Я был очень взволнован и, несомненно, не мог этого скрыть. Затем он сказал мне, что за моим выдвижением стоял

Фрич и что я должен иметь в виду, что это было практически вотумом доверия от Фрича и Бломберга. Я попросил его сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить мое назначение, для этого еще было время. Я просил его сказать Фричу, что, как солдат, я никогда не был так счастлив, как сейчас, командуя дивизией в Бремене; я не хотел иметь никаких дел с политикой. Он пообещал сделать это, и мы расстались.

По дороге назад из Ордруфа в Бремен я остановился на несколько дней в Хельмшереде, где жила моя жена с нашими детьми. Она убеждала меня согласиться на эту должность и не делать ничего, что могло бы навредить моим шансам на избрание...»

У Кейтеля с Фричем долгое время были хорошие отношения, и он высоко ценил Бломберга как понимающего, умного и образованного руководителя. Кейтель хотел укрепить позиции военного министра рейха как Верховного главнокомандующего вооруженными силами и создать для него в управлении вооруженных сил – и прежде всего в департаменте национальной безопасности – эффективный объединенный оперативный штаб, управляющий всеми родами войск. Он никогда не считал себя, как по образованию, так и по талантам, пригодным для роли начальника Генерального штаба вооруженных сил; как и Бломберг, он осознавал необходимость установления такого поста, но этот пост никогда не был создан. И армия – в лице генерал-полковника Фрича и генерала Людвига Бека, позднее ставшего начальником войскового управления и главным военным теоретиком, – а также военно-морской флот из всех сил противились этим новшествам.

Но активнее всего протестовала именно армия. Генерал Бек, начальник Генерального штаба сухопутных сил, откомандировал одного из своих наиболее талантливых офицеров Генерального штаба баварца Альфреда Йодля в департамент национальной безопасности в благой надежде на то, что Йодль будет защищать интересы армии. Но Йодль, блестящий мыслитель, также загорелся новыми идеями. Ненависть Бека к Кейтелю стала смертельной, до такой степени, что такой изысканный человек, как Бек, стал использовать грубые выражения.

Еще большей проблемой было приведение в порядок военно-воздушных войск Германии: этот третий и новейший род войск находился под командованием бывшего капитана авиации Германа Геринга, только что произведенного в генерал-полковники и наслаждавшегося обладанием уникальной политической властью, сочетая должности рейхсминистра авиации, премьер-министра Пруссии и комиссара четырехлетнего плана, одновременно не входя в высшие партийные круги.

Отношения Кейтеля и Бломберга были дружескими, но прохладными и официальными. Они хорошо относились друг к другу, никогда не ссорились и даже не спорили друг с другом; но какой-либо близости, которую можно было бы ожидать после долгих лет знакомства, начиная с 1914 г., между ними не было. Сам Кейтель всегда приписывал это тому, что после смерти жены весной 1932 г. Бломберг замкнулся в себе. Его же отношения с фон Фричем, главнокомандующим сухопутными силами, были, напротив, всегда дружескими, сердечными и доверительными. По инициативе последнего они часто проводили вечера наедине друг с другом, разговаривая и предаваясь воспоминаниям за бокалом вина.

В 1936 г. Кейтеля произвели в генерал-лейтенанты; этот год был полностью занят перестройкой в вооруженных силах Германии и принес весьма драматические дни, связанные с ремилитаризацией Германией Рейнской зоны 7 марта 1936 г.

«Это была очень рискованная операция, поскольку существовала огромная опасность того, что французы наложат санкции. Жесткие протесты западных держав склонили Бломберга предложить Гитлеру отозвать те три батальона, которые фактически были всеми нашими войсками, перешедшими Рейн, и которые продвинулись до Экс-ла-Шапель, Кайзерслаутерна и Саарбрюккена. Второй батальон 17-го пехотного полка вошел в Саарбрюккен и проходил по торговой площади, а в это время французские пушки были наведены на город.

Гитлер отвергал все предложения по отводу батальонов: если враг атакует, они должны будут приять бой и не отступать ни на дюйм. Были изданы соответствующие приказы на этот случай.

Три наших военных атташе в Лондоне получили наиболее сильные протесты. Фрич и Бломберг снова возражали Гитлеру, но он отвергал любые уступки угрозам. Наше министерство иностранных дел получило ноту из Лондона, требующую гарантий, что к западу от Рейна не будет построено ни одного укрепления. Бломберг улетел в этот день в Бремен. В его отсутствие фюрер вызвал к себе Фрича, Нейрата [рейхсминистра иностранных дел] и меня. Это был первый раз – не считая первого случая, когда я рапортовал ему среди других генералов, – когда я предстал перед ним. Он поинтересовался, что планируют Фрич и Нейрат ответить на эту ноту, и наконец спросил меня. До этого момента я был только безмолвным слушателем. На его вопрос я предложил ответить, что пока мы не будем там воздвигать постоянные укрепления: мы могли сказать это с чистой совестью, поскольку только по техническим соображениям нам потребуется не менее года, чтобы сделать там хоть что-нибудь. Фюрер спокойно выслушал меня, но, как показалось, сначала не расположен был соглашаться с моим предложением; затем он решил ответить на эту ноту уклончиво: мы ответили, что мы будем учитывать их требования, несмотря на то что у нас и не было таких планов, и в настоящий момент мы не видим в этом необходимости. Поскольку мы уже начали строительство укреплений вдоль других участков нашей западной границы, хотя они были только частью долгосрочной программы, рассчитанной до 1950 г., никто лучше французов не понимал необязательные отговорки, к которым мы прибегали в нашей терминологии.

Нейрату было приказано подготовить этот ответ, а Фричу и мне было разрешено удалиться. Это была моя первая официальная встреча с Гитлером. В последующие дни напряжение ослабло: Гитлер играл с огнем и победил, действуя против совета его солдат, он несколько себя не скомпрометировал. Он показал большее хладнокровие и более развитый политический инстинкт. Маленькая победа, которая возвысила его в наших глазах».

* * *

В 1938 г. генерал-лейтенант Кейтель, бывший тогда главой управления вооруженных сил, был рекомендован Гитлеру уходящим в отставку военным рейхсминистром фон Бломбергом, как его новый начальник канцелярии.

Бломберг мог рекомендовать его с чистой совестью. Управление вооруженных сил было уже отдельной гибридной структурой: формально Бломберг мог иметь заместителя, как военный министр и «начальник штаба» в качестве Верховного главнокомандующего вооруженными силами; но в диктаторской структуре фюрера с полным отсутствием парламентской жизни, и только редкими плебисцитами, проводимыми время от времени, должность государственного секретаря потеряла свою значимость, и даже и во времена Веймарской республики, с ее гражданскими секретарями по обороне, не было такой должности. Неофициально эти обязанности исполнял лично начальник Главного управления рейхсминистра обороны.

При Бломберге министерский секретариат и аппарат начальника штаба были объединены. Таким образом, управление вооруженных сил объединило под одним руководством службу стратегического планирования, военно-командную канцелярию, департамент национальной обороны и множество других департаментов, обрабатывающих всю эту информацию, разведывательные и административные функции министерства, а также его спорную функцию объединенного командования вооруженными силами. Систематическое расширение этого управления, а также постоянное расширение департамента национальной обороны в настоящий центр руководства для всех трех родов войск, сухопутных, военно-морских и

воздушных сил, к которому стремился Кейтель, было грубо прервано свержением Бломберга в начале 1938 г.

Кейтель объяснял, что он не предполагал, что его ожидало, когда – без каких-либо колебаний – он согласился принять предложенную ему Гитлером должность «начальника Верховного командования вооруженных сил», хотя известно, что он высказывал мнение, что по логике эта должность должна была называться «начальник штаба при Верховном командовании вооруженных сил». Можно было подумать, что его влияние было не так сильно, но во время кризиса Бломберга – Фрича он сумел добиться назначения в качестве приемника Фрича своего собственного кандидата.

Его кандидатом был фельдмаршал фон Браухич, отпрыск силезской фамилии, которая дала Пруссии дюжину генералов за предыдущие сто пятьдесят лет, он вызвал его в Берлин из Лейпцига, где некоторое время он был командующим 4-й группой армий. Браухича, воспитанного в кадетском корпусе и в гвардии полевой артиллерии, другие старшие генералы встретили с полным одобрением, и больше всех – истинный юнкер генерал фон Рундштедт; с другой стороны, его назначение поставило точку в судьбе выдающегося и талантливого начальника Генерального штаба генерала Бека. Кейтель, вероятно, никогда не испытывал каких-либо теплых чувств к этому офицеру, и Браухич безусловно не желал работать вместе с таким начальником Генерального штаба.

К тому же Кейтель упорно настаивал на назначении на должность начальника кадрового управления армии своего брата и на исключении из окружения Гитлера тогдашнего адъютанта вооруженных сил, энергичного и уверенного в себе полковника Хоссбаха. Хоссбах утверждал традиции прусского Генерального штаба и защищал идеи генерала Бека, который считал, что командование в вооруженных силах было привилегией только старого классического Генерального штаба. В тесном сотрудничестве с главнокомандующим вооруженными силами Кейтель надеялся преодолеть сопротивление двух других главнокомандующих и установить единое командование вооруженными силами.

Так или иначе, победа Кейтеля над предложенной Гитлером кандидатурой Рейхенау была пирровой победой: в то время Гитлер уже одержал целый ряд дипломатических побед, и Кейтель беспристрастно свидетельствует о том, как сильно впечатляли подобные успехи простых солдат. Но несомненно он уже тогда был тем чудовищем, которым он затем показал себя во время войны.

Кейтель считал, что он хорошо знал Браухича, и он был о нем высокого мнения с тех пор, как они оба стали главами отделов в войсковом управлении и вместе ездили в Советский Союз. Браухич был высокообразованным и несколько чувствительным человеком старой школы.

По внешности, по своему хорошему образованию, по выправке старшего офицера и по изысканности Кейтель был близок Браухичу, но полной противоположностью Гитлеру. Внешне Кейтель выглядел как землевладелец-юнкер: он любил хорошо поесть, не отказывался от бокала вина, который, тем не менее, редко появлялся на его рабочем столе; время от времени любил выкурить сигару и был прекрасным наездником и увлеченным охотником.

Гитлер, наоборот, был вегетарианцем, соблюдающим своеобразную и скудную диету; он не пил спиртного и строго осуждал людей, курящих в его присутствии; он ненавидел лошадей и рассматривал дворянскую охоту как убийство невинных животных и по этому поводу в своих беседах часто впадал в чрезвычайную сентиментальность. Этот ефрейтор, кроме того, был движим подсознательным подозрением ко всем высшим офицерам, всегда испытывая страх, что они не принимают его всерьез.

В ответе на анкету, предложенную ему его адвокатом, Кейтель подчеркивает, как тяжело было работать с новым начальником: «Я действительно имел право высказывать свое собственное мнение. Но фюрер обычно тут же пресекал меня и говорил, что *он* думает и

какое его *собственное* мнение. Было очень тяжело противоречить ему. Часто я мог высказать свою точку зрения только в самую последнюю очередь».

Кроме того, Кейтель приводит ответ Гитлера всякий раз, когда тот встречал какие-либо возражения: «Я не знаю, почему вы так кипитесь из-за этого. Вы не отвечаете за это, ответственность лежит на мне одном»².

И д-ру Нельте, своему адвокату, и одному из американских следователей Кейтель описывает, как он страдал вначале от манеры поведения Гитлера. И в этом тоже Гитлер был «революционером», а Кейтель – солдатом старой школы. К несчастью, это часто лишало его уверенности, которая была ему необходима, чтобы противостоять истеричному поведению Гитлера: «Мы смотрели на вещи по-разному». Он добавляет, что он никогда не думал, что Гитлер испытывает к нему хоть какое-то действительное доверие; но он считал своим долгом «переждать» атаки Гитлера на офицерский корпус и сухопутные силы. «Я был, – замечает он, – гитлеровским громоотводом».

С другой стороны, Кейтель, как солдат, был убежден, что этот человек, возглавлявший рейх и вооруженные силы, обладал незаурядными талантами; Гитлер действительно был необыкновенно одаренным во многих областях, обладал сверхмощным чарующим красноречием, отлично помнил детали, даже в военных делах, и потрясающим воображением, силой воли и смелостью. По мнению Кейтеля, его традиция верности к повелителю автоматически перешла на нового вершителя судьбы Германии; это была та же самая верность личности монарха, которая столетиями управляла мыслями офицеров при любом государственном строе Германии. Фюрер бессознательно стал чем-то вроде Ersatz-Kaiser. И хотя с правителем могло быть трудно или он мог поступать необычно и, по мнению многих, слишком необъяснимо, он был священным. Критиковать его, публично или в частной беседе, было бесчестно; можно было лишь из чувства долга выражать сомнения о правильности некоторых приказов. Но как только правитель принимал решение, офицер был обязан исполнять эти приказы и брать на себя ответственность за них.

Этот принцип еще не изжил себя со времен эпохи старых прусских юнкеров XVIII века и был выражением усовершенствованного понятия верности, возникшего во времена кайзера Вильгельма. В случае такого вождя, как Гитлер, это было особенно опасно; но все-таки это был принцип, которому следовал фельдмаршал Кейтель. Но было и еще кое-что: у Гитлера был дар влиять на людей; это был дар, который он часто использовал в отношении Кейтеля. Хотя фельдмаршал и был очень смелым офицером, в душе он ощущал себя беззащитным против Гитлера, тем более что в течение долгого времени он был вынужден соглашаться, что фюрер Германии оценивал конкретные ситуации более точно, чем его опытные солдаты: «Я был бесконечно преданным оруженосцем Адольфа Гитлера; мои политические взгляды должны были быть национал-социалистическими».

Так Кейтель описал себя чехословацкому адвокату полковнику д-ру Богуславу Экеру на предварительном допросе 3 августа 1945 г. Но он подчеркнул, что ранее, во времена кайзеровского рейха и Веймарской республики, у него не было политических симпатий и он не участвовал в политической деятельности; поэтому он не стал «нацистом», добавил он.

С другой стороны, Кейтель признает, что, когда его спросили о стоимости программы перевооружения Германии, он «чуть не упал», когда узнал, что 1 сентября 1939 г., во время своей первой речи о войне, Гитлер оценил ее в 90 миллиардов рейхсмарок, тогда как фактически она никак не могла быть больше 30 – 40 миллиардов. Такие преувеличения и обманы были частью натуры этого «верховного вождя». Для Кейтеля Гитлер – как человек и как фюрер – всегда был загадкой. Самоубийство Гитлера в конце войны и его уклонение таким образом от единоличной ответственности, о которой он так страстно и резко заявлял во

² Заявления Кейтеля под присягой для своего адвоката.

время споров с Кейтелем, было тем, что фельдмаршал не мог понять до конца. Но он не отказался от своей роли «оруженосца» Гитлера, даже несмотря на то что он должен был заплатить за свою верность собственной жизнью.

* * *

Документы и письма, воспроизведенные в этой книге, взяты в основном из двух источников: во-первых, из переписки, содержащейся в документах его Нюрнбергского адвоката, д-ра Отто Нельте, и огромного количества писем, написанных женой фельдмаршала своей матери, отцу и свекру; письма воспроизведены с некоторыми купюрами, опущенные фрагменты отмечены точками. Во-вторых, использованы мемуары и воспоминания, написанные самим фельдмаршалом в тюремной камере в Нюрнберге, где он ожидал вынесения приговора и расстрела, составленные без доступа к каким-либо документам или материалам.

Кейтель описывает тяжесть последних месяцев до суда и выполнения приговора в записках о своей жизни, в конце которых он указывает:

«Условия, в которых мы живем здесь в течение пяти месяцев, сейчас [после возвращения в нюрнбергский Дворец правосудия] оставляют желать лучшего, поскольку я ничего не знаю о том, что происходит с моей страной и моей семьей, и, конечно, о том, что ждет меня самого. В последние два месяца нам разрешили писать письма и открытки, но мы не получили никаких ответов.

Очевидно, все эти обстоятельства не могли не отразиться на моем здоровье, нервах и умонастроении. С мая [1945 г.] я потерял два стоуна³ в весе, из которых один – за последние восемь недель пребывания здесь, в нюрнбергской тюрьме. Сейчас я уже не могу худеть больше.

Я хорошо понимаю, что мы, солдаты, должны быть привлеченными к ответственности военным трибуналом союзников и что нас нужно держать врозь в заключении на время расследования, но я заметил, что то, что меня в моей камере лишили даже самых скромных предметов необходимости, – это гораздо тяжелее утомительных, как всем известно, допросов, на которых все свои показания – поскольку я нахожусь под присягой – я должен тщательно взвешивать.

Я упоминаю только некоторые лишения. С 5.30 вечера или когда наступает темнота – которая теперь наступает значительно раньше, чем этот час, – можно только сидеть и размышлять в темноте, потому что мои очки забрали, и читать невозможно даже при тусклом свете, проникающем из коридора. Во-вторых, здесь есть только одна койка и один маленький стол, но нет письменного стола, отделения или полки, забрали даже деревянный стул. В-третьих, нет ничего, на что можно было повесить или положить одежду и белье: приходится класть их на каменный пол, и одежду нельзя содержать в чистоте. В-четвертых, окно, которое проветривает камеру и регулирует температуру, не открывается изнутри. В-пятых, прогулка на свежем воздухе ограничена десятью минутами.

Это только наихудшие лишения, которые выходят за пределы того, что и так уже является общеизвестной строгостью обстановки тюрьмы предварительного заключения. То, как все это влияет на мое умонастроение, и неопределенность моей судьбы постепенно берут верх над моими физическими и психическими возможностями.

Я должен подчеркнуть, что, составляя этот список причин моего физического и психического спада, я *не выражаю какое-либо недовольство*, поскольку я не сомневаюсь в истинных добрых стремлениях моих непосредственных зрителей [американцев] и поскольку я лично пользуюсь разнообразной помощью американских военных врачей, то должен выра-

³ Стоун – около 6,34 кг. (Примеч. пер.)

зить им свою искреннюю благодарность. Но моя постоянная боль в пояснице является физической пыткой для шестидесятилетнего человека, которому не разрешают даже стул со спинкой».

Как будет видно из основного текста мемуаров, у Кейтеля не было времени прочитать или исправить свою рукопись, и, как можно ожидать, в ней много ошибок в хронологии, орфографии и деталях. Подчас в предложениях отсутствуют глаголы или окончания. Понимая, что это – исторический документ наивысшей значимости, редактор пришел к решению расставить знаки препинания и в некоторых местах исправить грамматику оригинала. В английском издании исправлены неправильные даты и неверное написание имен, а там, где есть некоторые сомнения насчет точного смысла слов Кейтеля, это отмечено в примечаниях или текст оставлен неисправленным. В некоторых местах редактором вставлены предполагаемые окончания предложений и пояснительные фразы, заключенные в квадратные скобки.

Подчеркивания в оригинале Кейтеля отмечены курсивом.

Вообще, удивительно, что вопреки огромной психической нагрузке тех недель между вынесением приговора и его исполнением фельдмаршал был способен записать настолько выверенную оценку своей жизни и описать свой *modus operandi*⁴ во время тех решающих годов в истории Германии. Но возможно, эта работа стала отдушиной для человека, который за предыдущие два десятилетия должен был привыкнуть к штабной бумажной работе, а также это отвлекало его внимание, поскольку давало ему хоть что-то для работы ума.

Нельзя утверждать, что фельдмаршал был прирожденным писателем, нельзя видеть в его рукописи труд великого историка. Стиль этой его первой и единственной книги часто нескладный и запутанный; возможно, он изменил бы и переработал многое, если бы у него было больше времени.

И хотя он не уделял внимания драматизму и красочности описания, его записки военного времени и письменные приказы свидетельствуют о том, что он умел хорошо выражать свои мысли простыми ясными словами. Эту простоту нужно иметь в виду при чтении его мемуаров.

⁴ Образ действий (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

Глава 2

КРИЗИС БЛОМБЕРГА-ФРИЧА, 1938 Г.

Зимой 1936/37 г. Бломберг приказал вооруженным силам приступить к объединенным маневрам: это должно было позволить нам получить опыт единого командования над вооруженными силами в военное время и выявить скрытые проблемы в дебатах между нами и Генеральным штабом. Эти маневры должны были стать строгой практической проверкой взаимных распределений полномочий внутри высших эшелонов военной структуры. В качестве начальника департамента национальной безопасности генерал Йодль управлял этими маневрами в тесном сотрудничестве со мной. Бломберг, Йодль и я надеялись, что они могут разрешить противоречие между преобладавшими тогда точками зрения. Мы отдавали себе отчет, что в полной мере осознавали, что мы касались весьма деликатной темы, за что Генеральный штаб не скажет нам спасибо, а обвинит в предательстве. Я полностью сознавал, что, как начальник департамента и ответственный за решение по проведению маневров, я мог стать предметом их неприязни: я мог бы считаться духовным отцом таких новшеств [учений, руководимых объединенным оперативным штабом].

Бломберг провел последнее собрание с подчиненными ему генералами и адмиралами в присутствии Гитлера⁵. Результатом была вспышка необузданного возмущения Генерального штаба: кот выпрыгнул из мешка. Когда Гитлер и Бломберг вместе покинули комнату, Фрич протиснулся ко мне и объявил, что эти планы по управлению деятельностью армии на высшем уровне недопустимы. По-моему, это был единственный момент, когда его ярость кипела так сильно, что он просто не мог не выплеснуть ее на меня; позднее мы уже никогда не говорили об этом инциденте. В глазах Генерального штаба было совершенно недопустимо, чтобы «министр вооруженных сил» стремился к исполнению командных функций; и командование сухопутных сил заявило, что откажется признать абсолютную власть Бломберга над сухопутными силами. Они даже не хотели слушать об этом. Я был слишком прост, слишком наивен и слишком рационален, чтобы увидеть, что, открыто обсудив это решение, которое казалось мне наиболее очевидным, я навлек на себя такую неприязнь, которая камнем повисла на моей шее. Как-никак, Бломберг был начальником Генерального штаба – в то время носившего название «войсковое управление», и, по существу, он был предшественником Адама и Бека, занимавшего на данный момент эту должность, мои дружеские отношения с которым теперь были бесповоротно разрушены.

Я провел несколько встреч с Беком, которые часто продолжались по несколько часов, но ни одна из моих попыток не помогла мне добиться его одобрения постановлений по единому управлению войсками, которые собирался издавать Бломберг, или принять в расчет его возражения. Например, я приезжал к нему несколько раз с наброском первой директивы Бломберга «Мобилизационная и боевая директива для вооруженных сил», изданной окончательно летом 1937 г.; я отдал ему этот набросок для изучения и получил его обратно с многочисленными замечаниями на полях. Они в основном носили формальный характер, но ясно выдавали его сдержанное раздражение тем, что кто-то смеет издавать директивы для его армии. Когда он в конце сказал мне, что Генеральный штаб не намерен предпринимать какие-либо подобные «приготовления», как того требовал Бломберг по настоянию Гитлера, без сомнения из-за политической и стратегической оценки ситуации Генеральным штабом, то я изменил слово «подготовка» на «пересмотр», очень слабый компромисс, но единственный, который Бломберг явно просмотрел, когда он в итоге подписывал документ.

⁵ Это собрание в записке для его адвоката, д-ра Нельте, описывается Кейтелем по-другому.

Йодль и Цейтцлер, начальник его штаба, были тогда очень возмущены моей капитуляцией перед Бекком.

На самом деле Генеральный штаб сухопутных сил продолжал держать эту директиву в сейфе и не предпринимал никаких действий. На Нюрнбергском процессе этому документу было уделено особое внимание и доклады Йодля и мой о его истоках были встречены лишь с сочувственным недоверием. В действительности тут не было ни плана *Отто*, ни планов *Зеленый* или *Красный*, а только крайне слабая защита наших границ на востоке и западе и приготовления к эвакуации подверженных опасности пограничных зон к западу от Рейна и к востоку от Одера. Чего мы с Бломбергом действительно боялись в то время, была вероятность санкций, о которых нам стало известно из итальянской кампании в Абиссинии. Они нависали над нами как дамоклов меч все время, пока наша программа перевооружения находилась всего лишь на стадии разработки; необходимо помнить, что у нас не было и армии в семь боеспособных дивизий, поскольку она была рассредоточена по рейху с 1 октября 1935 г., чтобы стать ядром для формирования новой армии в тридцать шесть дивизий.

В любое время наши соседи могли безнаказанно перейти наши границы и потребовать разоружения. Армия в то время не располагала ни танками, ни тяжелой артиллерией и, кроме того, была в недостаточной мере укомплектована стрелковым оружием; наш военноморской флот не имел большого значения, а военно-воздушные войска еще только создавались с большими трудностями. Любой вид военного вмешательства мог быть осуществлен с легкостью. Никто не понимал этого лучше, чем Гитлер, и, учитывая эти опасности, он выстраивал свою внешнюю политику.

Следующим шагом Бломберга, развивавшего свою кампанию по расширению контроля над вооруженными силами, был приказ мне подготовить военные маневры с участием военноморского флота и воздушных сил. Во время скандинавского вояжа на борту яхты «Гриль» Бломберг определил цели этих учений, которыми должен был руководить Йодль. Когда я позднее давал инструкции Фричу [главнокомандующему сухопутными силами], поскольку на сухопутные войска приходилась львиная доля этих маневров, он только снисходительно улыбнулся на предполагаемую «боевую обстановку» и заявил, что намеченный для маневров район Мекленбурга совершенно не подходит. Я попросил его отобрать состав штаба учений для сухопутных сил и отрядов для разведки области учений. Он согласился с этими просьбами и выбрал генерала Гальдера, тогдашнего начальника отдела боевой подготовки, на роль начальника штаба. Генерал Бек, начальник Генерального штаба, был слишком высокомерен, чтобы участвовать в таком предприятии, которое, по его мнению, было обречено с самого начала. Так как я все время присутствовал только на заднем плане и играл малую роль в трудоемких приготовлениях и управлении маневрами, я, пожалуй, воздержусь от их оценки: я бы расценил все предприятие как крайне успешное; Йодль заслуживал за них наивысшей похвалы.

Несколько именитых гостей приняли приглашение Бломберга поприсутствовать, включая Айронсайда [фельдмаршала сэра Эдмунда Айронсайда], начальника Генерального штаба Великобритании, и его сотрудников, главу Италии Муссолини и его окружение, делегации из различных других стран и все военные атташе в Берлине. Мы в первый раз продемонстрировали наш подводный и надводный флот, атакующий Свинемюнде; мы показали наши бомбардировщики в действиях по поддержке наземных и морских операций, выполнявших атаки на большой высоте и в пикировании; маломощную танковую дивизию, оснащенную легкими танками, вооруженными только пулеметами, потому что у нас тогда не было более тяжелых танков.

Затем гости Бломберга встретились за кофе в столовой на авиационной базе в Тутове, где мы в последние дни подготовки разместили штаб наших маневров. Генерал Гальдер заслуживал особой благодарности за успех этой нашей первой попытки совместных опера-

ций, за то, что все прошло так гладко; он великолепно справился со своей трудной ролью и внес самый большой вклад в общий успех предприятия.

Единственной диссонирующей нотой, для улаживания которой пришлось вызывать меня, было неожиданное появление в штабе «синих» специального батальона военных журналистов и корреспондентов, посланных министерством пропаганды. Рундштедт [генерал-полковник фон Рундштедт], начальник штаба, выпроводил этих господ без малейших церемоний, в результате чего они были глубоко оскорблены и тотчас же выразили желание вернуться. Мне пришлось сходить туда и успокоить эту группу, которая так или иначе находилась под контролем офицера из моего управления вооруженных сил, восстановить мир между ними и Гепнером, начальником соответствующего штаба, так что корреспонденты смогли возобновить свою работу и получить необходимую им информацию.

Из Тутова я нанес свой первый визит главному лесничему Мюллеру на полуострове Дарсс, которой был объявлен заказником и куда Геринг пригласил меня поохотиться на оленей в сезон охоты. Принял он меня очень радушно, и я немедленно сошелся с ним, что позднее переросло в теплую дружбу, которая принесла мне много счастливых часов на этом полуострове. В начале октября я подстрелил своего оленя.

После этих военных учений Муссолини завершил свой визит в Берлин, где его принимал фюрер. Вечером на государственном стадионе в Берлине провели парад в его честь, с огромной манифестацией, где с трибуны сначала Гитлер, а потом Муссолини обращались к стотысячной толпе, последний говорил по-немецки. Огромную толпу накрыло ливнем, и мы почти час пытались добраться до машины, чтобы уехать домой.

1 октября [1937 г.] я частично реорганизовал управление вооруженных сил, которое из-за принудительного расширения своих функций уже начало расплзаться по нескольким направлениям: я сгруппировал то, что до сих пор было маленькими отделами, в более крупные отделы и подразделения с оперативным штабом вооруженных сил [Wehrmacht-Führungsamт (нем.)], отделы экономики и вооружений, службы разведки с тремя отделами (1-й – разведывательный; 2-й – диверсионный; 3-й – отдел контрразведки), последнему подчинялся наш иностранный отдел.

Наконец, я сформировал из различных подразделений, которые некогда относились к общей категории «внутренние», «общее управление вооруженных сил». Эти службы возглавлялись генералами, которым была предоставлена огромная свобода для самостоятельных действий. Это был наш первый, совсем не преднамеренный шаг к тому, что позднее станет ОКБ, Верховным командованием вооруженных сил. Моя собственная идея, вполне согласованная с линией Бломберга и к которой он полностью присоединился, заключалась в более четком разделении его командования и его исключительно министерских функций, так что как Верховный главнокомандующий он должен был стать *Oberkommando der Wehrmacht*, Верховным главнокомандующим вооруженными силами, а как министр – иметь министерский секретариат; поэтому он мог бы издавать свои приказы и постановления на соответствующих служебных бланках, на одних как «Верховный главнокомандующий вооруженными силами», а на других – как «военный рейхсминистр». Эта вторая функция во всех отношениях должна была быть переведена ко мне, я мог бы быть чем-то вроде заместителя министра, в то время как вышеупомянутая должность более четко, чем раньше, определяла бы его командные функции.

Таким образом можно было бы реально вести войну: оперативный штаб вооруженных сил мог бы в добавление ко мне получить начальника Генерального штаба, в то время как я освободил бы Верховного главнокомандующего от большей части его министерских обязанностей. Сегодня я все еще считаю, что это решение было единственно верным; Главнокомандующий сухопутными силами фактически продолжил дальше эту линию во время войны тем, что назначил вполне самостоятельного командующего резервной армией, который при-

нял основной груз административной работы в этой армии. Для меня было очевидно, что Верховному главнокомандующему необходим высококлассный оперативный штаб, хотя бы даже очень небольшой, и что выбор его начальника зависел от личности кандидата и его надежности, который, однако, мог быть решен только перед войной или в ее начале. У меня никогда не было каких-либо личных амбиций в отношении этой должности; мне не доставало для этого необходимых качеств, недополученных в результате моего военного воспитания. Бломберг и я в этом отношении были вполне согласны. Хорошо известна причина, почему соответствующее преобразование не произошло при Бломберге. Выбор названия для этого поста, если бы произошла такая реорганизация, не имел большого значения; я сам в то время думал о «начальнике ОКБ» или «генерал-квартирмейстере вооруженных сил»⁶.

Мои официальные контакты с иностранными военными атташе были весьма неопределенными и случайными, как и с нашим собственным посольством тоже; я был рад, что меня не обременяют официальными визитами, и, если они были неизбежны, я просил, чтобы присутствовал начальник иностранного отдела сухопутных сил, так как он хорошо знал, как надо шпионить.

Только Осима [японский военный атташе] был частым и желанным гостем в моем офисе; я с нетерпением ожидал его визитов, так как был рад подобной возможности получить информацию об их войне на Китайском театре. Во время их официального визита к нам под Рождество 1937 г. он сказал мне, что, по его мнению, они все еще могут захватить Нанкин (его захват был неизбежен) и что тогда они будут должны завершить войну с Китаем, придя к компромиссу любой ценой. Он был прав, но, к несчастью, события пошли другим путем, поскольку Токио не разделял его взглядов и не мог понять, что войне на огромных пространствах не будет конца, если победитель не удовлетворится, а будет постоянно выбирать цели и пытаться завоевать еще больше.

С началом китайско-японской войны Гитлер в конце концов списал со счетов проводимую Бломбергом и Рейхенау политику в отношении Китая и отозвал из Китая военную германскую миссию. Бломберг добился от Гитлера, чтобы в Китай послали Рейхенау зимой 1935/36 г.; нашим посредником в отношениях с Китаем был некий господин Кляйн, бывший банкир и агент фирмы Отто Вольфа. Он создал надежду на обширную торговлю с Китаем, при которой они смогли бы поставлять сырье для нашей программы перевооружения в обмен на поставки вооружений и возведение в Китае заводов по производству снаряжения, стрелкового оружия и пулеметов, а также оружейных складов. Рейхенау был должен нанести там визит генералу фон Секту, получить под ключ контракты г-на Кляйна с Чан Кайши и познакомиться с Китаем.

Все это на самом деле служило укреплению политической империи Рейхенау. Генерал фон Сект был первым советником, назначенным некоронованным императором Китая [Чан Кайши]. Однако по причине слабого здоровья он много времени проводил в уединении в горах и в скором времени был замещен генералом фон Фалькенхаузенем, энергичным главой германской военной миссии.

Контракты г-на Кляйна и соглашения, подписанные Рейхенау от имени военного министра Германии, а следовательно, правительством рейха, остались ничем, кроме как кипой бумаг, хотя мы получили по ним несколько грузовых судов с яичным порошком и пищевыми продуктами, а также несколькими тысячами тон сурьмы, висмута и других драгоценных металлов в небольшом количестве.

⁶ Далее в рукописи Кейтеля следует очень длинное описание общественных отношений семьи Кейтеля в Берлине в 1937 г., рассказывается о встречах с генерал-майором Осимой, японским военным атташе, и польским военным атташе, полковником Шиманским; фельдмаршал считал, что он «произвел хорошее впечатление» на французского и английского послов, Андре Франсуа-Понше и сэра Невила Хендерсона. Весь этот фрагмент опущен редактором.

Мне с министром финансов было поручено поправить наш истощенный золотой запас через бюджет нашей организации. Высокая китайская награда, полученная Бломбергом при ответном визите китайского министра финансов Кунга и его помощников, осталась единственной нашей выгодой от нашей китайской политики.

Теперь фюрер настаивал, чтобы мы прекратили всякие отношения между нашими странами и отослали домой сына Чан Кайши, который служил офицером в мюнхенском пехотном полку и проживал с Рейхенау, командиром VII военного округа. Таким образом был открыт путь к *возобновлению дружеских отношений* между Германией и Японией, к чему в данный момент стремился Гитлер.

Бломберг позволил мне навестить генерала фон Секта, вернувшегося из Китая, и сообщить ему, что военная миссия в Китае должна быть свернута. Генерал фон Сект молча выслушал мое заявление, затем высказал мне свое мнение об обстановке в Китае и планах главы государства по завершению начинающейся гражданской войны. Он заявил, что Чан Кайши является яростным противником коммунизма и не стоит пренебрегать этим фактом. Это был последний раз, когда я встречался с фон Сектом; он, вероятно, заметил, что Бломберг избегает встречи с ним. Примерно шесть месяцев спустя мы похоронили его на военном кладбище⁷.

[В январе 1938 г. была объявлена помолвка между старшим сыном фельдмаршала Кейтеля, лейтенантом Карлом Хейнцем Кейтелем, и Доротеей фон Бломберг, одной из дочерей военного министра, с благословения обоих родителей. Кейтель не пытался скрывать тот факт, что он использовал помолвку его сына с дочерью Бломберга, чтобы установить дружеские отношения с его начальником, самим фельдмаршалом Бломбергом.]

Я никогда не думал, что Бломберг ищет себе новую жену; а еще меньше я предполагал, что последует далее. Единственное, что поразило меня, – это то, что он дважды ездил один на своей машине в Оберхоф, в Тюрингский лес в гражданской одежде, оставляя мне только записку с адресом отеля и номером телефона, на случай, если ему кто-нибудь срочно позвонит. Его главный адъютант, майор фон дер Декен, просто пожал плечами и сказал, что ничего конкретного он мне сообщить не может; он знал только, что Бломберг предположительно навещает даму, которая сломала лодыжку, катаясь там на лыжах. У меня были свои мысли на этот счет, но я не обсуждал их с кем-либо, даже с моей женой.

Примерно в середине декабря [1937 г.] после тяжелой болезни умер Людендорф; фюрер устроил в Мюнхене торжественные похороны, предоставив прощальную речь Бломбергу как главному представителю службы. Фюрер тем временем торжественно произвел Бломберга в генерал-фельдмаршалы, вручив ему жезл фельдмаршала на глазах высших офицеров всех трех родов войск, в большом зале здания военного министерства.

Во время нашей поездки в Мюнхен я заказал для фельдмаршала и нас маленький специальный поезд, к которому был прицеплен новый сияющий пассажирский вагон, только что подаренный ему фюрером. Мы вынуждены были не только заехать за ним в Оберхоф, но и также отвезти его туда обратно по возвращении из Мюнхена. Никто из нас не догадывался, что это было его первое и последнее путешествие в новом вагоне, – он менее всего.

На рождество дочери Бломберга, Сивилла и Дорочка [т. е. Доротей], оставались с нами, пока их отец находился в Оберхофе. Теперь картина для меня прояснилась: он вновь собирался жениться. По возвращении он по секрету подтвердил мои подозрения: он хотел провести тихую свадьбу в январе. Это было правдой, признался он, что его избранница была из простой среды, но это для него не помеха; в любом случае он был решительно настроен на этот шаг. Он был рад, сказал он, что его Дора была помолвлена с моим Карлом Хейнцем,

⁷ Далее в рукописи Кейтеля следует длинное описание семейных и хозяйственных дел в их поместье Хельмшерод, которые редактор опустил, поскольку подробности собраны выше.

и он даже хотел бы устроить так, чтобы наши дети вступили в брак пораньше; он мог бы дать им соответствующее ежемесячное содержание. В любом случае в нашей современной национал-социалистической Германии не является позором женитьба на «дитяти народа», и его совершенно не беспокоят слухи в так называемом обществе. Он созвал вместе всех своих потомков и открыто обсудил с ними этот вопрос, они выказали свое полное понимание и не собирались препятствовать ему. Это было все, что узнали я и моя семья: это должно было быть некое безымянное «дитя народа». Некие подозрения приходили нам на ум, но я не решался задать вопросы, поскольку сам Бломберг, каковы бы ни были его мотивы, не собирался обсуждать это дело.

От его адъютантов я узнал, что свадьба, гражданская, будет неофициально проведена ближе к середине января в зале здания военного министерства и что Гитлер и Геринг согласились стать свидетелями. Я лично не получил приглашения на церемонию, которая проходила без венчания; присутствовали, вероятно, только три адъютанта военного министра и – если я не ошибаюсь – фон Фридебург, друг семьи и его бывший военно-морской адъютант. Этим же вечером Бломберг с молодой женой уехал из Берлина на медовый месяц, о котором в газетах появилась фотография, сделанная в Лейпциге или в Дрездене, где эта пара позировала в зоопарке на фоне клетки с обезьянами. Меня поразила такая бестактность.

Их медовый месяц был неожиданно прерван, поскольку пожилая мать Бломберга, которая жила в Эберсвальде с одной из своих дочерей, очень серьезно заболела, почти без надежды на поправку. Фрейлейн [Маргарита] фон Бломберг, которая часто звонила моей жене после смерти своей матери, хранила молчание, так что я никогда не узнал, знала ли ее мать в действительности что-нибудь о жене Бломберга. Я поехал на похороны фрау фон Бломберг и только тогда увидел эту пару, стоявшую на краю могилы на похоронной церемонии в Эберсвальде; лицо юной дамы было закрыто густой вуалью, и рассмотреть его было нельзя. Из-за всех этих обстоятельств соболезнования, обычно выражаемые ближайшим родственникам, были отменены, и эта пара должна была уйти первой; даже я не смог выразить им свое сочувствие.

В конце месяца начальник полиции Берлина, граф фон Хельдорф, позвонил мне на службу, прося срочной встречи. Он был весьма взволнован и сразу же начал спрашивать меня, как выглядит молодая невеста. Ему было трудно поверить, что – не считая похорон в Эберсвальде – я все еще не видел ее, особенно из-за того, что ввиду объявления о помолвке наших детей я был теперь членом их семьи. Наконец он вытащил из кармана регистрационную карту для изменения адреса с фотографией размером с паспортную некой фрейлейн Эрны Грун. Эта полицейская регистрационная карта фиксировала ее переезд в квартиру Бломберга в здание министерства на Тирпицуфер; она была направлена ему местным полицейским участком.

Первое, что Хельдорф хотел узнать, было ли изображение на этой фотографии похоже на молодую жену Бломберга: я был не способен ответить на этот вопрос. Хельдорф потребовал, чтобы я тотчас же встретился с Бломбергом и напрямую спросил его об этом, так как было чрезвычайно важно установить истину. Я был так ошеломлен, что тут же позвонил в приемную министерства, чтобы спросить, не могу ли я встретиться с ним; мне сказали, что его нет, так как он уехал в Эберсвальд, чтобы привести в порядок дела его матери, Хельдорф слушал мой телефонный разговор. Наконец он рассказал мне все: фрейлейн Эрна Грун, которая теперь стала женой Бломберга, привлекалась полицейскими властями по месту ее фактического проживания за аморальность. С моей стороны было бы некорректно раскрыть детали, которые я смог прочитать на ее полицейской карте.

Теперь я понял, почему Хельдорф был так взволнован; я сказал, что, по-моему, Бломберг должен будет расторгнуть этот брак, как только личность его жены будет точно установлена. Мы решили, что наши дальнейшие шаги должны быть следующими: я сказал, что

смогу показать Бломбергу ее полицейскую карту на следующий день, несмотря на то что я не мог скрыть тот факт, что, как будущий свекор его дочери, я испытывал сильнейшее смущение. Хельдорф, однако, не захотел оставить мне эту карточку до следующего дня; он сказал, что он предпочитает не выпускать ее из своего поля зрения; он хотел прояснить этот вопрос немедленно. Тогда я направил его к Герингу, который был свидетелем на их свадьбе и, конечно, встречался с этой девушкой и видел ее лицо.

Хельдорф тотчас же последовал этому решению. Я позвонил в штаб Геринга, чтобы договориться об их встрече, и Хельдорф немедленно отправился туда. Я без конца прокручивал в голове все случившееся; я также надеялся, что буду избавлен от необходимости лично сообщить Бломбергу об этом неприятном открытии, поскольку едва ли могли быть какие-либо сомнения, что Эрна Грун с этой учетной карточки, которая сообщала об изменении ее адреса, и была женой фон Бломберга.

Этим же вечером Хельдорф позвонил мне и сообщил, что Геринг сразу же подтвердил личность этой девушки со всей определенностью; это, сказал он, было несчастье первого порядка. Он сказал, что Геринг собирается на следующий же день сообщить об этом Бломбергу и что он представляет себе, каково мое облегчение оттого, что не нужно принимать участие в этом. Я избежал тягостной обязанности только благодаря совершенно случайному совпадению, поскольку на самом деле она должна была быть моей.

Геринг этим же вечером позвонил Гитлеру и передал ему эту новость. Тот поручил сообщить Бломбергу, что, если он будет готов немедленно расторгнуть этот брак, они найдут способ избежать публичного скандала; вовлеченные полицейские власти по приказу Геринга сохранили бы все в тайне. Бломберг не захотел расторгнуть брак, как посоветовал ему Геринг по указу фюрера. Позднее он оправдывал передо мной свою позицию, утверждая, что он глубоко любит свою жену, и утверждал, что способен твердо отстаивать «принятую им позицию» в этом деле. Ни Гитлер, ни Геринг не поверили утверждениям Бломберга, что он невинно вовлечен в эту авантюру; они были вне себя от ярости из-за того, что им пришлось быть свидетелями на этой свадьбе. Оба они были уверены, как я позже узнал от них, что Бломберг хотел заставить их таким способом замолчать и подавить любые слухи и последствия, которые могли последовать в связи с его шагом.

Я не разговаривал с Бломбергом до того дня, когда он вернулся со встречи с Герингом, а затем с фюрером. Он повторил фюреру свое нежелание расторгнуть этот брак, и их долгий разговор закончился его отставкой.

Позднее Бломберг сказал мне по секрету, что он возлагает ответственность только на Геринга; если бы Геринг не питал надежду стать его преемником, то можно было бы очень легко закрыть все это дело покровом искренней любви. Все это время он знал, что его жена в прошлом вела распущенный образ жизни, но это, по мнению Бломберга, не было поводом, чтобы навсегда отвергнуть женщину; в любом случае сейчас она уже некоторое время работает в рейскомиссии по куриным яйцам, ее мать была всего лишь гладильщицей.

Фюрер также обсудил с ним вопрос, кто должен стать его преемником. В любом случае [генерал-полковник] фон Фрич [главнокомандующий сухопутными силами] также был близок к отставке, поскольку против него было возбуждено серьезное судебное разбирательство, которым нельзя было пренебречь; я все это также услышал и от Гитлера. Бломберг в качестве своего преемника предложил Браухича. Расстался он с Гитлером в хороших отношениях, и последний сказал ему, что если придет тот час, когда ему придется вести войну, то он хотел бы снова видеть его на своей стороне.

Мне сразу же показалось, что Бломберг очень сильно цеплялся за эти слова и видел в них наилучший выход из положения. Как фельдмаршал, добавил он, все еще, по старой прусской традиции, будет оставаться «в состоянии готовности» и продолжит получать полное жалованье, даже если он на некоторое время будет принужден к бездействию. Я пытался убе-

дить его обдумать еще раз, не лучше ли будет в итоге все же развестись с женой, и упрекнул его за то, что он не посоветовался со мной, прежде чем сделать этот шаг; я был не намного моложе его, но я, по крайней мере, мог бы *заранее* разузнать все об этой женщине. Он отвел мои увещания в сторону, поясняя, что он никогда не сделал бы этого даже ради наших детей, и я должен понять это. Он с негодованием отвергал мысль о разводе, так как это был брак по обоюдной любви, и он «скорее пошлет пулю в голову, чем сделает это». Сказав мне: «Я должен явиться с докладом к фюреру в гражданской одежде сегодня в час», он оставил меня стоящим в центре его кабинета и выбежал из комнаты с глазами полными слез.

Я был так изумлен этой ситуацией, что не мог покинуть его кабинет без того, чтобы не посидеть некоторое время. И вот случилось еще одно несчастье с Фричем; что еще могло случиться? Я все еще был в растерянности, когда ушел домой на обед и переоделся в штатскую одежду. Я не смог достаточно успокоиться, чтобы рассказать что-нибудь моей жене. Вскоре после этого мне позвонил лично Геринг и попросил меня как можно скорее встретиться с ним; я согласился и поехал к нему.

Он хотел узнать, что Бломберг сказал мне после его встречи с фюрером и кто будет его преемником. «Единственная возможная кандидатура – это ваша, – сказал я ему, – поскольку вы вряд ли хотите получать приказы от еще одного армейского генерала». Это он тотчас же подтвердил, сказав, что нет сомнений в его выдвижении. Мне внезапно подумалось о деле Фрича и захотелось узнать, кто мог стоять за этим. Геринг сказал мне, что он давно знал о планах Бломберга относительно женитьбы; эта дама хотела выйти замуж за другого человека, но по просьбе Бломберга он уговорил этого человека отвергнуть ее, предложив ему в качестве взятки хорошо оплачиваемую работу за границей; все вышло идеально, и соперник был уже за границей. Тем временем Геринг выяснил все детали прошлой жизни этой дамы. Он мне рассказал все, но я предпочитаю умолчать об этих деталях даже сейчас, даже если г-н Гисевиус и разболтал о них на свидетельских показаниях в Нюрнберге; нет сомнений, что об этом ему рассказал граф фон Хельдорф.

В пять часов вечера [26 января 1938 г.] я прибыл с докладом в рейхсканцелярию, и меня тотчас же провели в рабочий кабинет Гитлера. Раньше я только один раз разговаривал с ним, во время введения наших войск в демилитаризованную зону, вместе с Нейратом и Фричем; в других обстоятельствах я встречался с Гитлером, только сопровождая Бломберга, один раз во время заседания кабинета министров по реформе уголовного кодекса вместе с другими государственными секретарями, и еще раз во время встречи с Шахтом, президентом Рейхсбанка, по поводу финансирования нашей программы перевооружения. Оба этих события произошли в 1936 г. Я не был вовлечен в дискуссию, я просто сидел позади Бломберга, делая заметки. Гитлер знал мое имя только из отчетов и в связи с учениями в 1935 г., где я командовал пехотной дивизией.

Полковник Хоссбах, адъютант фюрера, всячески препятствовал моей встрече с фюрером, вероятно, для того, чтобы предупредить ситуацию, которая возникла с Рейхенау, который просто объявлял о своем собственном прибытии или незвано приходил к обеденному столу фюрера, как обычно поступали министры и старые партийные руководители. Позднее я также посещал эти приемы, но только когда был специально приглашен на них самим Гитлером.

По моему первому впечатлению, Гитлер был глубоко потрясен делом Бломберга, но благодаря Гисевиусу он не испытал «нервного срыва». Он говорил об огромном восхищении Бломбергом и о своем долге перед ним, но не пытался скрывать, что положение свидетеля на его свадьбе глубоко оскорбило его. Он спросил меня, может ли офицерский корпус смириться и принять брак, обстоятельства которого невозможно надолго сохранить в тайне. Я был вынужден согласиться, что нет; я знал, что в любом случае он уже не может потерять какой-либо любви, по крайней мере в армии, и никаких слез не будет пролито из-за его

отставки, но я промолчал. Гитлер сказал мне, что он в качестве свадебного подарка подарил Бломбергу кругосветное путешествие, и выразил надежду, что они не вернутся в Германию в течение года. Бломберг принял это предложение. Гитлер хотел, сказал он, обсудить вопрос преемника со мной, и кого я мог бы предложить?

Моей первой кандидатурой был Геринг, и я прямо высказал ему причины, почему я предложил его. Гитлер тотчас же отверг его кандидатуру, сказав, что он дал Герингу четырехлетний план и он также должен продолжать заниматься воздушными силами, так как никто лучше него не подходит для этого; во всяком случае, Геринг должен был набрать опыт в государственных делах, поскольку являлся назначенным преемником фюрера. Следующим я предложил Фрича. Он подошел к своему письменному столу и протянул мне подписанный лично Гюртнером, министром юстиции, акт, обвиняющий Фрича по статье 175 уголовного кодекса. Он сообщил мне, что это обвинение находится у него уже некоторое время, но он умалчивал об этом до сих пор, поскольку не верил в это обвинение. Но сейчас, в связи с неожиданным и непредвиденным вопросом о преемственности, пришло время выяснить этот вопрос, и при случившихся обстоятельствах он не может больше оставлять все так, как есть. Кроме Гюртнера, об этом деле знал еще Геринг.

Я был потрясен этим обвинением: с одной стороны, я не мог поверить, что Гюртнер мог выдвинуть такое обвинение, не имея на это веских причин, а с другой стороны, я не мог поверить, что обвинение Фрича – правда. Я сказал, что здесь, должно быть, какое-то недоразумение или же это полнейшая клевета, поскольку я слишком хорошо знал Фрича, чтобы допустить, что такое заявление могло быть обоснованным. Гитлер велел мне никому не говорить об этом; он хочет завтра переговорить *наедине* с Фричем, без предупреждения прямо спросить его об этом и увидеть по его реакции, насколько правдиво это обвинение. Тогда мы будем знать, как действовать дальше.

Он спросил меня, кого я могу предложить в качестве преемника Фрича, и я прежде всего предложил фон Рундштедта. Он ответил, что он очень высоко ценит его и готов принять без дальнейших возражений, даже несмотря на его враждебное отношение к идеологии национал-социализма. Никакие подобные соображения не были бы препятствием, сказал Гитлер, но он слишком стар для этой работы; очень жаль, что он не на пять или десять лет моложе, тогда выбор бы автоматически пал на него. Поэтому далее я предложил имя Браухича.

Фюрер с минуту помолчал, затем внезапно спросил: «А почему не фон Рейхенау?» Я тут же сказал ему, что было моими мотивами: не вполне цельный, нетруdolюбивый, назойливый, довольно поверхностный, его мало любят, и это солдат, который ищет удовлетворения своего честолюбия больше в политике, чем в чисто военной сфере. Гитлер признал, что, хотя я и прав, оценки мои слишком жестокие. В противопоставление я рекомендовал Браухича как стопроцентного солдата, способного организатора, воспитателя и лидера, высоко ценимого армией. Гитлер сказал мне, что он сам поговорит с Браухичем и что пока наш разговор должен остаться в полной тайне; он поговорит с Фричем на следующий день. Мне было приказано снова прибыть на следующий день. Пока решенной была только отставка Бломберга.

Когда я позвонил на следующий день Гитлеру, он был крайне возбужден. Фрич побывал у него перед этим и конечно же отрицал чудовищные обвинения, выдвинутые против него; но он оставил впечатление пораженного и взволнованного человека. Кроме того, из тюрьмы доставили свидетеля, который свидетельствовал против него, и поставили его у входа в здание рейхсканцелярии так, чтобы он хорошо мог разглядеть Фрича. Затем этот человек подтвердил, что это был тот самый офицер; другими словами, он заявил, что опознал его вновь. Фрич, таким образом, сказал Гитлер, попадал под сильное подозрение, и теперь ему нельзя больше оставаться главнокомандующим сухопутными силами; его на некоторое

время посадят под домашний арест. Тогда возмущение Гитлера обрушилось на Хоссбаха; этот офицер, его личный адъютант, бесстыдно действовал за его спиной и, несмотря на его запрет, предупредил Фрича о готовящемся. Хоссбах лишился доверия, и он больше не желает его видеть; я должен был объяснить это Хоссбаху и немедленно предложить кого-нибудь на его место. Поскольку мне уже было поручено Бломбергом несколько месяцев назад подобрать в Генеральном штабе майора, способного заменить Хоссбаха, если бы тот, как предполагалось, был назначен на передовую, я, после довольно трудных размышлений, в конечном счете выбрал майора Шмундта, которого я хорошо знал со времени моей работы в отделе Т-2, кроме того, он был моим полковым адъютантом в Потсдаме. Я предложил его кандидатуру Гитлеру, и он согласился. Он принял должность несколько дней спустя, без какого-либо введения в курс дела, и сразу же навестил меня. Оставалось еще неприятное для меня обязательство – проинформировать Хоссбаха, что он уволен без какого-либо официального прощания.

Когда я вновь попытался убедить Гитлера назначить Геринга приемником Бломберга Верховным главнокомандующим вооруженными силами – я не видел другого выхода, – он ответил, что он уже решил сам стать Верховным главнокомандующим, а я должен остаться в качестве его начальника штаба; я не должен и не имею права оставить его в такой час, как этот. Если он в конце концов обнаружит, что я не подхожу для этой должности, тогда он назначит меня главнокомандующим сухопутными силами, но до тех пор я должен оставаться на своей должности. Я без колебаний согласился с этим.

Этим вечером я навестил Фрича, чтобы предоставить себя в его распоряжение, если бы ему это было нужно. Я увидел, что внешне он очень спокоен, но, очевидно, сильно разозлен бесчестной клеветой на него. Он показал мне написанное заявление об отставке, лежащее на его столе; оно содержало официальное требование провести расследование военным судом. Я мог только согласиться с ним по этому поводу: для него не было другого выхода смыть с себя этот позор, отсутствие судейского вердикта может быть равносильно молчаливому признанию виновности. Гитлер вначале выразил несогласие, но затем сказал, что я был прав, и распорядился провести суд, как я и советовал. Главкомандующие всех трех родов вооруженных сил были назначены в этом деле судьями, а Геринг – их председателем, еще два высокопоставленных профессиональных судьи должны были помогать им; Гитлер не принимал пока окончательного решения об отставке Фрича, хотя было очевидно, что у него не было больше намерений оставлять его на прежней должности; обвинений было достаточно, чтобы его не приняли в рассмотрение как преемника Бломберга. Обвинение министра Гюртнера, которое, вероятно, возникло в высших кругах тайной полиции [гестапо], оказалось идеальным для такого случая: его вытащили для сомнительного использования после того, как долгое время хранили в холодильнике.

В последующие дни фюрер вызывал генералов Бека, фон Рундштедта и вице-адмирала Редера для обсуждения вопроса о преемнике Фрича с этими высшими офицерами. В дополнение я проводил с ним несколько часов в день. Я увидел, что он все еще не отказался от мысли назначить преемником Рейхенау; но я оставался верен моей железной убежденности, и наконец мое мнение победило: фон Браухич уже два дня ждал в своем отеле, когда я вызвал его наконец на встречу с фюрером. Я лично привез его из Лейпцига, где он командовал 4-й группой армий; мой поступок привел к сильной ссоре с генералом Беком, который рассчитывал сам стать помощником главнокомандующего сухопутными силами и запретил мне совершать такие «недозволенные» действия вновь. Фон Рундштедт смягчил недовольство Бека. Теперь начался ряд бесконечных трехсторонних дебатов: Браухич обстоятельно изла-

гал свои взгляды на национал-социализм, церковь, расширение и пополнение офицерского состава и так далее⁸.

Наконец, после третьей нашей встречи утром 4 февраля 1938 г. Гитлер поднялся, неожиданно протянул фон Браухичу свою руку и назначил его главнокомандующим сухопутными силами; таким образом он сделал выбор в пользу полной отставки Фрича, хотя сам я высказывался за то, чтобы только найти ему временную замену.

Тем временем, как я мог понять из его нескольких телефонных звонков ко мне, д-р Ламмерс, глава рейхсканцелярии, пытался разработать приказ о вновь созданной должности начальника ОКБ. Наконец нас вместе вызвали к Гитлеру, который подписал этот приказ незадолго до вечерней встречи кабинета министров, сделав в тексте небольшие изменения. В короткой речи Гитлер представил Браухича и меня членам кабинета и изложил произошедшие другие изменения в самом кабинете (фон Нейрат и т. д.), а Ламмерс зачитал приказ об учреждении тайного совета кабинета. Последующих дискуссий в кабинете министров не последовало.

Вскоре после этого Гитлер отправился к Берхтесгаден и Бергхоф. Он ни слова не сказал ни Браухичу, ни кабинету министров, ни мне о его ближайших планах и политическом курсе. Единственная вещь, которую он сказал двоим из нас, было, что он использует нынешнее плохое впечатление, которое, особенно за границей, произвели отставки Бломберга и Фрича, чтобы сделать кардинальные перестановки в кабинете: он определил фон Нейрата на должность главы тайного совета кабинета, чтобы не создать впечатления о какой-либо перемене курса в нашей внешней политике.

После того ужасного дня, когда Бломберг подал в отставку, я поговорил с ним еще раз на следующий день [28 января 1938 г.].

Он вручил мне ключ от своего сейфа и два больших запечатанных конверта. Один содержал секретный приказ о наследнике Гитлера, а другой – меморандум Фрича по командованию вооруженными силами, который он выносил на обсуждение весной 1937 г., после тех учений. Он стал тогда причиной важных дебатов между ними, и Бломберг угрожал подать в отставку, если Фрич будет настаивать на передаче этих записей фюреру, но оба они согласились изменить мнение. Уходя, он не оставил мне ничего, кроме этого, ни в письменном виде, ни на словах.

Он сообщил мне, что он отправляется в путешествие по Индийскому океану вместе с женой, но прежде он задержится на несколько недель в Италии; и даже таким образом он не мог бы путешествовать целый год. Он планировал написать мне в подходящий момент, чтобы спросить разрешения у Гитлера разместиться в своем коттедже в Бад-Висзее. Он вложил половину денежной суммы в свадьбу Дорочки, поскольку было бы неправильно откладывать свадьбу на неопределенный срок.

Я потратил некоторые усилия, составляя такой подробный отчет об этом деле, чтобы по крайней мере *одна* правдивая версия была передана на бумаге: версия Гисевинуса и другие слухи и сплетни, ходившие в кругу генералов и партийных руководителей, необоснованны и лживы. Предположение, что тайная полиция приложила руку к делу Бломберга, явно ошибочно. Что касается Фрича, я и сегодня все еще считаю, что обвинение против него было сфабриковано для того, чтобы его дальнейшее пребывание на этой должности стало невозможным: я не знаю, кто стоял за этим, скорее всего, либо Гиммлер, либо Гейдрих, его злой гений, ведь в СС и вооруженных силах было хорошо известно, что Фрич был непримиримым противником военных устремлений СС, когда штурмовые подразделения утратили свое влияние.

⁸ Из исходного текста Кейтеля не совсем ясно, излагает Браухич свои собственные мысли или разделяет их с Гитлером.

Всю первую неделю после 4 февраля я пребывал в изумлении в связи с моим назначением на должность начальника ОКБ – Верховного командования вооруженными силами, и, естественно, я никогда не предполагал, что принятый мною меч был обоюдоострым. Это становится ясно из записей, занесенных Йодлем в его дневник, что я тогда мог дать ему только краткое изложение событий.

Возможно, речь, произнесенная Гитлером перед его берлинскими генералами накануне встречи кабинета министров, заслуживает, чтобы немного упомянуть о ней: он тактично объявил, что произошло и каковы результаты этого и что он принял на себя должность Верховного главнокомандующего вооруженными силами, в то время как было учреждено верховное командование во главе со мной. Только генерал фон Манштейн спросил, будет ли также назначен начальник Генерального штаба вооруженных сил, на что Гитлер ответил, что должность вакантна до тех пор, пока не появится подходящий человек.

Тогда я полностью осознал, что я, как послушник, стоял перед лицом огромных трудностей и что я вступил в новый мир, но с другой стороны, я обнадеживал себя мыслью, что я смогу найти поддержку среди моего хорошо знакомого старого вермахта моего управления вооруженных сил, чтобы надлежащим образом выполнить задачу, возложенную на меня; но что она будет фактически неразрешимой и что я стану жертвой необузданной диктатуры Гитлера – такие вещи невозможно было предугадать. Для выполнения его планов, которые нам были неизвестны, ему нужны были безвольные инструменты, не способные препятствовать ему, люди, которые были бы покорны и верны ему в истинно солдатских традициях. Как легко осуждать это тем, кто не стоял под ядрами и пулями и кто день ото дня не сталкивался с таким дьяволом, каким был этот человек! Я не отрицаю, что я тоже ошибался, возможно, я упустил возможность заставить его по крайней мере сколько-нибудь сдерживать себя; но в военное время, когда на карту было поставлено все, это было вдвойне тяжело. Теперь я свято убежден, что это было бы в равной степени невозможно и любому другому генералу, даже если бы он был упрямее, решительнее и умнее меня, – остановить наше падение в бездну.

Почему Браухичу не удалось сделать этого? Почему генералы, которые так охотно называли меня услужливым и некомпетентным подхалимом, не смогли добиться моего устранения? Разве это все было так трудно? Нет, не было: правда была в том, что никто не был готов заменить меня, потому что каждый из них знал, что он потерпит такую же катастрофу, что и я.

Принимая во внимание искренность в моих отношениях с Браухичем, ему было совсем не трудно настроить Гитлера против меня или пробудить в нем недоверие ко мне, в этом отношении Гитлер был весьма чувствителен и всегда шел до конца. Я узнал у самого Браухича, что в 1939 г. [генерал] Мильх, министр авиации, был предложен на мое место. Безусловно, и со стороны вооруженных сил были бы попытки устранить меня, если бы они нашли хоть одного человека, готового принять мою тяжелую должность. Но им было удобнее изводить меня и перекладывать всю ответственность на мои плечи; и никто не стремился хоть как-нибудь помочь мне и встать на мою сторону. Я сам три раза предлагал Гитлеру заменить меня фон Манштейном: первый раз это было осенью 1939 г., перед началом нашей кампании на западе; второй раз в декабре 1941 г., когда ушел Браухич; и третий раз в сентябре 1942 г., когда у него вспыхнула большая ссора с Йодлем и мной. Но, несмотря на его часто высказываемое восхищение выдающимися талантами Манштейна, Гитлер явно боялся совершить такой шаг и все время отклонял мое предложение; была ли это праздная леность с его стороны из-за какого-то другого невысказанного его недовольства им? У меня нет никаких представлений. Никто не может знать, каким несчастным я чувствовал себя на моей новой должности; возможно, только до определенной степени Йодль. Мое признание в конце заключительной речи на процессе сказало все, что необходимо было сказать; оно показало, что по крайней мере в конце я стал мудрее, кем я тогда был.

Ради меня и моей семьи как я хочу, чтобы мне позволили умереть честной достойной солдатской смертью; почему судьба не дала мне ее тогда, 20 июля 1944 г., во время покушения на Гитлера?

Глава 3

1938 – 1940: ОТ АВСТРИИ ДО КОНЦА ФРАНЦУЗСКОЙ КАМПАНИИ

Нюрнберг. 7 сентября 1946 г.

Вечером 4 февраля 1938 г., после финального монолога в кабинете рейхсминистров, Гитлер уехал в Бергхоф. Майор Шмундт, который был назначен по моей рекомендации как главный военный адъютант Гитлера, сопровождал его, вместе со специальным военным адъютантом капитаном Энгелем, назначенным согласно личному пожеланию фон Браухича, который надеялся таким образом установить непосредственную и, в определенной степени, личную связь с Верховным главнокомандующим. Кроме того, вместе с Энгелем были еще один военно-морской адъютант, капитан 3-го ранга Альбрехт, и адъютант из воздушных войск, капитан фон Белов, все трое подчинялись Шмундту. Необходимость служить одновременно двум хозяевам, как должен был делать в прошлом Хоссбах, когда служил при начальнике Генерального штаба, была полностью устранена.

Браухич не смог исполнить желания Гитлера и его рекомендации, чтобы он, как новый главнокомандующий вооруженными силами, окружил себя только теми лейтенантами, которым он доверяет, как, например, сделал Дёниц в 1943 г. Но только в одном случае Гитлер настоял на назначении другого начальника Генерального штаба сухопутных сил; и даже тогда, чему я сам был свидетелем, Браухич долго спорил с ним, чтобы ему позволили оставить Бека на этой должности по крайней мере до осени 1938 г., чтобы ознакомить его с его служебными повседневными обязанностями как главнокомандующего сухопутными силами.

Сегодня я сам убежден, что это была первая большая ошибка Браухича; второй ошибкой была неспособность выбирать в качестве своих лейтенантов тех, на кого он мог бы полностью положиться. Результатом было то, что перестановки, проводимые по приказам Гитлера одновременно с назначением Браухича 4 февраля 1938 г., фактически были предreshены на собраниях с Гитлером до моего присутствия, эти перестановки впервые подорвали доверие [Гитлера] к новому главнокомандующему и ко мне.

В качестве нового начальника кадрового управления на смену Шведлеру Браухич – вероятно, по моему совету – выбрал моего брата, которого он очень хорошо знал. Все это было только полумерами и принесло больше вреда, чем пользы; новые назначения вызвали незамедлительную критику большего числа генералов. Никто лучше Браухича или меня не знал, как тяжела была унаследованная им ноша: Фрич пользовался безграничным уважением и восхищением, и его бессовестная травля вызвала волну необоснованной горечи. Бек и командующие генералы изводили Браухича и днем и ночью, постоянно требуя, чтобы он выступил за немедленную реабилитацию и восстановление своего предшественника, настоял на его повышении Гитлером до фельдмаршала и тому подобное. В то время положение было таким, что со всей прямоотой Браухичу давали понять, что их доверие к нему обусловлено его настойчивостью в осуществлении этих требований.

Судебный процесс над Фричем завершился, как все и ожидали, его оправданием. Следует поблагодарить персонально Геринга за искусный прием, при помощи которого он заставил, путем жесткого перекрестного допроса единственного свидетеля обвинения, который ранее поклялся, что он вступил в гомосексуальный *mésalliance* [неравный брак] с обвиняемым и будто бы опознал его впоследствии в рейхсканцелярии, признаться, что он даже не знал генерал-полковника фон Фрича и что все случившееся было простой путаницей в именах: его истинный партнер был отставной кавалерийский капитан фон *Фриш*. Обвиняемый

был оправдан, поскольку его невиновность была доказана. Но те, кто закрутил этот позорный суд или использовал удобный случай, представившийся из-за совершенно случайной, вероятно, схожести имен, достигли успеха в своих вторичных стремлениях: дискредитировать и убрать со сцены этого главнокомандующего сухопутными силами.

Затем прозвучали требования, чтобы Гитлер публично реабилитировал пострадавшего и повысил его в звании, и вокруг Браухича разразилась целая буря. Исходя из сложившейся ситуации, я считал, что это нужно сделать позже; Гитлеру было тяжело согласиться с тем, что он сам стал жертвой обмана или даже интриги. Все стремления Браухича достучаться до Гитлера потерпели крах из-за полнейшей невозможности пойти против его точки зрения. В конце концов Гитлер назначил Фрича на общественных началах на должность полковника 12-го артиллерийского полка, но генералы остались неудовлетворенными.

Я видел, что Браухич рискует доверием Гитлера, а привлечь генералов на свою сторону ему не удавалось; по-моему, это была его вторая ошибка.

Я обратил внимание Браухича на это и посоветовал ему в данный момент не подрывать свой авторитет в глазах Гитлера в связи с этим деликатным делом. Но генерал Бек, духовный лидер оппозиции, не примирился с ним: он был агитатором, всегда подстегивавшим своего нового хозяина и всегда находившего охотных слушателей среди старших генералов. А что же лозунг: «Le roi est mort, vive le roi!»⁹

В сухопутных силах не было подобного настроения, только эта разрушительная кампания, со всеми ее пагубными последствиями. В 1943 г. адмирал Дёниц, преемник Редера, унаследовал такую же тягостную ношу: две военные догмы столкнулись лицом к лицу друг против друга внутри военно-морского флота. Дёниц сумел сделать верные выводы и безжалостно заменил всех своих старших офицеров на людей, за которых он мог поручиться, и результатом был стопроцентный успех.

Я совершенно не сомневаюсь, что после ухода Фрича генерал Бек был тем, кто больше всех препятствовал отношениям между Браухичем и фюрером. Я не могу сказать, какие мотивы привели Бека к переходу в лагерь движения оппозиции, его первому шагу на пути к последующей государственной измене, еще в то время: было ли это его оскорбленное тщеславие? Или стремление самому занять должность главнокомандующего сухопутными силами?

Одно точно: никто не навредил репутации Браухича в глазах фюрера и в армии больше, чем Бек, вместе с сильно озлобленным полковником Хоссбахом и главным помощником главнокомандующего сухопутными силами, подполковником Зивертом; они были из старой гвардии Фрича, защитниками его интересов. Для них фон Браухич был только средством для достижения цели, но, несмотря на мои предупреждения, он не пытался найти выход из этого тупика. Я всегда оправдывал Браухича в присутствии Гитлера, скорее всего, не столько из солдатской осмотрительности или внешнего приличия, сколько из-за моего собственного эгоизма, потому что я чувствовал некоторую ответственность перед Гитлером, поскольку рекомендовал его. Генералы никогда не почитали Браухича так, как они почитали до него Фрича; они осознали истинную значимость этого человека только после того, как в конечном счете потеряли его.

Браухич всегда поступал честно и с фюрером, и с этими генералами: нельзя позволить военному трибуналу скрыть этот факт. Он всегда хотел сделать как лучше, даже для Гитлера, но он не знал, как это сделать. Но я не признаю за ним никакого права обвинять меня в *моих* проступках или в *моей* слабости по отношению к Гитлеру, поскольку я имею больше прав и причин сказать подобное и о нем; по меньшей мере никто из нас не может обвинять другого в этом отношении.

⁹ Король умер, да здравствует король! (фр.) (Примеч. пер.)

Через неделю после того, как я вступил в должность, я был вызван в Бергхоф [в Берхтесгаден] без какого-либо повода. Когда я прибыл к Гитлеру в его дом этим февральским утром [12 февраля 1938 г.], он сказал мне, что через полчаса он ждет федерального канцлера Австрии Шушнига для серьезного разговора с ним, поскольку кризис между нашими братскими странами требовал разумного решения. [В конце января венская полиция совершила нападение на главный штаб австрийских национал-социалистов и захватила разоблачающие документы, свидетельствовавшие, что они рассчитывали на вооруженное нападение Гитлера на Австрию. Гитлер уволил лидера австрийских национал-социалистов, и Шушниг нанес Гитлеру визит, чтобы попытаться получить у него гарантии продолжения их соглашения 1936 г.]

Он послал за мной, сказав, что это только для того, чтобы Шушниг смог увидеть вокруг несколько мундиров; Рейхенау и Шперле прибывали из Мюнхена.

Мы, генералы, не играли роли на этих переговорах и не подозревали об их задачах или целях этих бесед до отъезда Шушнига; нам было ужасно скучно. Нас вызывали только на обед и еще раз позднее, на кофе, где мы присоединялись к неофициальной беседе. После министр иностранных дел Австрии Гвидо Шмидт подтвердил это на процессе.

Конечно, в течение этого дня мне стало понятно, что я – с двумя другими генералами – лишь своим присутствием выступал как средство достижения какой-то цели. Такова моя главная роль в жизни. Это мнение укрепилось, когда Гитлер раскричался на меня, во время короткого отсутствия Шушнига, удалившегося для личного разговора со своим министром иностранных дел. Я вошел в рабочий кабинет Гитлера как раз в тот момент, когда из него выходил Шушниг, и, когда я спросил Гитлера, какие у него ко мне указания, он ответил: «Никаких! Просто садитесь».

Мы поддерживали краткую, нейтральную беседу в течение десяти минут, после чего мне разрешили уйти. Об эффекте, произведенном на Шушнига, свидетельствовали на процессе.

Эту ночь я провел – единственный раз за все эти годы – в доме фюрера; но я должен был оставить Бергхоф в предрассветные часы на следующее утро, чтобы организовать оговоренные различные тактические уловки во взаимодействии с Йодлем и Канарисом. Я должен был проинформировать главнокомандующего сухопутными силами, что в результате достигнутых договоренностей реальные военные приготовления даже не обсуждались.

Тем больше было наше изумление, когда 10 марта мы получили приказ Гитлера ввести в Австрию наши войска. Я был вызван в рейхсканцелярию, и мне кратко изложили эти намерения, потому что Шушниг без предупреждения объявил о желании провести референдум по вопросу своего соглашения с Гитлером. Гитлер воспринял этот поступок как нарушение их договора и намеревался расстроить эти планы при помощи военных действий.

Я предложил, чтобы главнокомандующий сухопутными силами и начальник Генерального штаба были вызваны для получения приказов непосредственно от самого Гитлера. Я отлично понимал, что иначе Бек просто отвергнет все это как совершенно невыполнимое, а я никогда не смогу доложить об этом фюреру. Браухич был в командировке, поэтому я вернулся в рейхсканцелярию только с Беком. Его возражения Гитлер немедленно отменил в сторону, поэтому у него не было выбора, кроме как выполнить приказ и через несколько часов доложить, какие войсковые части будут готовы вступить в Австрию утром 12-го. Поздно вечером 11 марта Браухич покинул здание рейхсканцелярии с окончательным приказом, после того как днем этот приказ один раз был временно отозван.

Я вернулся домой только к восьми часам вечера, и мои гости уже ждали меня, среди них случайно оказался австрийский посол [Таушиц] и его военный атташе [генерал-майор Поль] наряду с самыми разными людьми и в мундирах, и штатском. Приглашения были разосланы три недели назад, когда мне даже и не снилось, что 12 марта станет одним из

главных исторических дней. Вскоре я определил для себя, что австрийские господа вели себя совершенно спокойно и явно не имели понятия о том, что должно произойти всего через несколько часов. Это было чистое совпадение, но эта вечеринка стала идеальной маскировкой для ввода наших войск в Австрию.

Последующая ночь стала для меня сущей пыткой: один за другим следовали телефонные звонки из Генерального штаба сухопутных сил и от Браухича; наконец около четырех часов утра поступил звонок от тогдашнего начальника оперативного штаба, генерала фон Вибана; все умоляли меня уговорить фюрера прекратить операцию. У меня не было желания просить об этом фюрера даже один раз; конечно, я обещал им, что я попытаюсь, но через некоторое время я перезванивал им (даже не делая попытки связаться с фюрером) и говорил каждому, что он отклонил их возражения. Об этом фюрер так никогда и не узнал, а если бы он узнал об этом, его мнение о руководстве сухопутных сил было бы подорвано, а я хотел уберечь обе стороны от разочарования.

В шесть часов утра 12 марта фюрер и я вылетели из Берлина: он хотел принять участие в триумфальном входе на его родину и лично сопровождать войска. Сначала мы появились на командном пункте главнокомандующего дивизиями генерала фон Бока, входящими в Австрию. Он кратко изложил нам о передвижении войск и их маршрутах вторжения, поскольку фюрер, естественно, сам хотел приветствовать свои войска. Отсюда и произошел тот памятный телефонный разговор с Муссолини, фюрер на самолете отправил ему с эмиссаром рукописное письмо, в котором он объяснял ему свои действия: Муссолини лично позвонил, чтобы подтвердить, что он приветствует его действия, и поздравил Гитлера; затем последовала незабываемая фраза Гитлера: «Дуче, я никогда не забуду вас за это», – восклицание, которое он повторил несколько раз.

В обед мы проехали по родине Адольфа Гитлера, Браунау, под шумные приветствия горожан и нескончаемые приветственные крики. Он показал нам свою школу и дом своих родителей, он был явно глубоко взволнован всем этим. Вечер мы закончили во втором родном городе Гитлера, Линце, на Дунае, по пути нас в каждом городе и деревне задерживали продвигающиеся войска и безудержно празднующие толпы народа, которые плотно окружали нас. Было уже совсем темно, когда мы въехали в этот город вместе с австрийским министром Зейсс-Инквартом [с 11-го числа федеральный канцлер], который присоединился к нам на окраине; здесь, с балкона здания мэрии, Гитлер обратился с речью к многочисленной толпе людей, переполнявшей базарную площадь под ним. Атмосфера всеобщего единодушия невероятно возбуждала и волновала; я никогда раньше не видел ничего подобного, и это произвело на меня глубокое впечатление. Хотя я не думал, что будет какая-нибудь стрельба или что-либо подобное, когда наши войска войдут в эту страну, но о таком приеме я и не мечтал. Мы оставались там весь следующий день, субботу; он [т. е. Гитлер] был весьма поглощен административными деталями союза. Во время обеда устроили короткий торжественный парад германских и австрийских войск перед отелем [отель «Вайнцингер» в Линце].

На следующий день произошло наше грандиозное вступление в Вену, после передышки в Санкт-Пельтене около полудня. До поздней ночи я не мог пойти спать в нашем отеле [отель «Империял»], где мне вновь выделили комнату с видом на улицу; плотно столпившаяся масса народа внизу, казалось, никогда не устанет реветь и петь: «Мы хотим увидеть нашего фюрера! Мы хотим увидеть нашего фюрера!» В этот день состоялся военный парад германских и австрийских войск, после исторической речи фюрера к собравшейся на площади Бургплац многочисленной толпе, с ее заключительной фразой: «Я объявляю германскому народу, что моя австрийская родина теперь вернулась в Великий Германский рейх». В этот же самый вечер мы вылетели из Вены назад в Мюнхен: этот предсмертный полет стал самым захватывающим и необыкновенным зрелищем, которое мне когда-либо

приходилось видеть; Гитлер увидел мое восхищение, и со слезами радости на глазах он, запинаясь, произнес эти простые слова: «Все это... все это теперь снова немецкое».

После быстрого ужина в ресторане аэропорта я улетел обратно в Берлин. Той же ночью я вернулся домой. Эти несколько дней стали для меня громадным и непостижимым видением. Впервые я стал очевидцем того, как создается история.

Когда я прибыл [в Берлин] на следующее утро, начальник моего главного управления майор Кляйнкамп встретил меня новостями, что генерал фон Вибан, начальник оперативного отдела, заперся в маленькой комнате для отдыха, которую я оборудовал в квартире Бломберга, когда она освободилась, и угрожал пистолетом каждому, кто пытался увидеться с ним или поговорить. Я был вынужден позвонить Йодлю, чтобы поговорить с ним, поскольку он хотел увидеться со мной, как только я приеду.

Генерал фон Вибан был тепло рекомендован фюреру как превосходный штабной офицер генералом фон дер Шуленбургом, который в Первую мировую войну был начальником штаба армии (позднее группы армий) под названием «Deutscher Kronprinz», у Шуленбурга он служил в качестве капитана его собственного штаба. Фюрер несколько раз предлагал мне, чтобы я взял Вибана в оперативный отдел ОКБ, поскольку он весьма высоко ценил мнение Шуленбурга; последний был близок к партийным кругам и был генералом в СС и СА. Я тоже уважал его ввиду моих старых связей с ним. Я знал Вибана в дни моей работы в кадровой службе и много работал с ним раньше, еще до 1933 г. Поскольку в то время должность начальника оперативного отдела была свободна и поскольку я назначил Йодля на должность начальника департамента национальной безопасности ОКБ, я согласился с просьбой фюрера. Сначала это казалось мне хорошим решением, поскольку Вибан был близким другом Бека, и поэтому я надеялся, что он проложит мост над пропастью между мной и Беком и смягчит наши разногласия. Но я никогда не мог разобраться, где голова, а где хвост в этом странном товариществе, а Йодль и того меньше; принимая во внимание то, как он умолял меня [удержать Гитлера] в ту ночь, перед вступлением наших войск в Австрию, я совершенно перестал доверять ему. Во время моего отсутствия Йодлю пришлось терпеть от него невероятные сцены. Один раз он громко молился и предсказывал всем нам несчастья; затем он наконец впал на несколько часов в растерянное и задумчивое молчание. Затем, когда Йодль, наконец, попросил его взять себя в руки, он заперся и отказывался говорить с кем-либо.

Я вызвал Вибана для встречи со мной. Но предчувствие беды уже исчезло из его глаз, он вновь был вполне нормален, и, когда я посоветовал ему взять безотлагательный отпуск, чтобы укрепить здоровье, он твердо отверг мое предложение, сказав, что у него прекрасное здоровье и что ему совершенно непонятно, чего я добиваюсь. Он заявил, что Йодль наврал мне о нем, после чего Йодль просто вышвырнул его из комнаты. Мне было чрезвычайно трудно полностью избавиться от этого истеричного человека; военное министерство не захотело убрать его от меня, и мне пришлось пригрозить Браухичу, что я пойду к фюреру и потребую убрать этого человека, если он не уволится из ОКБ. Это произвело некоторое действие, но кончилось тем, что Вибан обиделся на меня за то, что я оклеветал его, утверждая, что он находился не в здравом уме. Я был счастлив вновь остаться только с Йодлем; этот второй начальник оперативного отдела был ужасно ненадежным человеком.

18 марта завершился судебный процесс над Фричем, с приговором, описанным выше. Фрич, уйдя в отставку, уединился на своей усадьбе, которая была построена для него раньше, на военном полигоне в Бергене (около Юльцена), далеко от людей и зверей, и фюрер сам объявил это берлинским генералам, обращаясь к ним в рейхсканцелярии. Свидетеля обвинения, чья бесстыдная ложь стала причиной этого скандала, он приказал расстрелять. Несколько недель спустя Канарис сказал мне, что тайная полиция так и не выполнила приказ о рас-

стреле; и для меня стало совершенно очевидно, что этот свидетель был наемным инструментом, которого вряд ли расстреляют в качестве награды за его деяния.

Я потребовал от Канариса незамедлительного прояснения этого дела, чтобы я смог составить фюреру рапорт. Канарис попросил меня не использовать что-либо из того, что он сказал мне, поскольку он сам слышал только слухи; он пообещал как можно быстрее разузнать об этом у самого Гейдриха. Несколько дней спустя он сообщил мне, что приказ фюрера уже выполнен, и я сказал, что удовлетворен. Сегодня я уверен, что первое сообщение Канариса было верным и что он отказался от своих слов только из-за страха перед Гейдрихом и того, что я расскажу об этом Гитлеру. Мое доверие к Канарису позднее дорого обошлось мне.

Незамедлительное присоединение по приказу Гитлера австрийской федеральной армии и формирование из двух перегруженных германских генеральных штабов рейха, вместе с одной бронетанковой, двумя пехотными и двумя горными дивизиями создали массу новых организационных трудностей для военного министерства, а также они означали, что программа в 36 дивизий была впервые превышена. Гитлер сам совершил поездку по нескольким гарнизонам новой «Ostmark»¹⁰, выступая с речью перед рекрутами и формируемыми частями войск; его наивысшей целью было установить здесь образцовый боевой порядок в наикратчайшее возможный срок и в старых прусских традициях, под начальством отобранных офицеров из германской части рейха; он думал о чехах, которые были застигнуты врасплох таким решением австрийской проблемы и чьи интересы в ней едва ли могли оставаться чисто теоретическими.

20 апреля вместе с главнокомандующими тремя родами войск я впервые принял участие в праздновании дня рождения фюрера. Геринг, который после ухода Бломберга был произведен в генерал-фельдмаршалы и был, таким образом, старшим по званию главнокомандующим, произнес короткую поздравительную речь от вооруженных сил; за этим последовало обычное рукопожатие, а затем мы пошли в Тиргартен смотреть военный парад всех трех родов войск. В полдень мы были приглашены на маленький банкет к фюреру.

Вечером, перед отбытием фюрера в Берхтесгаден, меня вызвали в рейхсканцелярию на встречу с ним с глазу на глаз. Там мне была дана первая директива (несколько раз упоминавшаяся на процессе) организовать предварительную проработку Генеральным штабом конфликта с Чехословакией. Как всегда, он высказывал свои мысли энергично, в небольшой речи: эта проблема должна была быть разрешена через какое-то время, и не только потому, что чешское правительство притесняет живущее там германское население, но и из-за стратегического положения, которое может проявиться в любое время, если придет время для большого расчета с Востоком. Под этим он подразумевал не только поляков, но главным образом большевиков. Он был абсолютно уверен, что именно в этом таится огромная опасность для рейха; Западная Чехословакия будет трамплином для Красной армии и воздушных сил, и в самое короткое время враг может оказаться у ворот Дрездена и в самом сердце рейха.

В тот момент он сказал, что у него нет намерений развязывать войну с чехами, однако политические созвездия могут сойтись так, что будет необходимо нанести удар молниеносно.

Указания, данные мне, были записаны для потомства в «Документе Шмундта», который я сам никогда не видел; я принял их, не сказав ни слова, но не без некоторого опасения. На следующий день я перечитал переданные мне указания [с Йодлем], и мы решили пока подождать, одновременно делая черновую формальную директиву в указанном смысле. Документы, которые сохранились, вместе с записями дневника Йодля, могут показать последующее течение событий. Примерно четыре недели спустя – по настойчивому требованию

¹⁰ Восточная марка, нацистское наименование присоединенной Австрии. (Примеч. пер.)

Шмундта – я отправил в Бергхоф первый набросок нашей «директивы» в военное министерство; его предисловие теперь часто упоминается: «Я не стремлюсь в ближайшем будущем сокрушить Чехословакию военными действиями...» и т. д.

Йодль и я предусмотрительно скрыли это дело от Генерального штаба сухопутных сил, поскольку мы стремились избежать излишней тревоги. Возможно, произошла какая-то утечка – возможно, фюрер высказывал подобные мысли Браухичу – я не знаю. Так или иначе, появился всесторонний меморандум, написанный Беком, где первая часть носила политический характер, а вторая часть обсуждала баланс военной силы и стратегические рассуждения, которые были связаны с вмешательством Франции в конфликт с чехами, принимая в расчет договор французов с ними.

Браухич вызвал меня для обсуждения наилучшего способа по предоставлению данного меморандума на рассмотрение Гитлеру. Он понял, что надо действовать более мягко, с тех пор как получил грубый отказ Гитлера на меморандум Генерального штаба «Командование вооруженными силами в военное время», который он вручил Гитлеру без моего ведома, вскоре после вступления в должность.

Затем я бегло просмотрел меморандум Бека о возможном исходе войны с Чехословакией и посоветовал Браухичу ни в коем случае не выносить на обсуждение его первую часть, поскольку Гитлер может сразу же, не рассматривая, отклонить политические и военные аргументы, даже не утруждаясь прочитать вторую часть. Поэтому мы решили предложить только вторую часть, так как фюрер действительно был должен изучить ее. Таким образом мы в действительности и поступили, но единственным итогом были очень жесткие возражения Гитлера, что данные были не реальны и приведенный баланс сил слишком благоприятен для врага (например, французская бронетехника и т. д.). Это была еще одна беда для сухопутных сил, которая привела к еще большей потере доверия к Браухичу, о чем я горько сожалел, хотя фюрер и возлагал ответственность не столько на Браухича, сколько на Бека и Генеральный штаб.

В это время прозвучала новая нота диссонанса: больше из-за [оправданного] гнева на сухопутные силы, Гитлер поручил Герингу осмотреть ход строительства фортификаций на западе, или, скорее, проинспектировать их. Отчет Геринга фюреру был одним длинным упреком военному министерству от начала до конца: в сущности, сделано не было ничего, утверждал он, а то, что сделано, – было недостаточно, построена лишь самая примитивная полевая система обороны и т. д. Несмотря на то что все это было сильно преувеличено, было верно, что все строительство находилось еще только в зародыше. С согласия Бломберга программа строительства бетонных сооружений и больших фортификационных работ рассчитывалась на двадцатилетний срок до их завершения. Работа проводилась по всей границе, что Бломберг и я могли установить во время длительной многодневной поездки в 1937 г. по всей длине фронта, и, хотя это были только отдельные начальные объекты, все проекты были разработаны и показаны нам тогда. Но теперь фюрер был сильно разочарован и яростно обвинял Генеральный штаб в саботаже его требований: он заявил о намерении передать строительство фортификаций [генерал-майору Фрицу] Тодту, поскольку инженерные войска сухопутных сил не могут этого сделать.

Итогом стало возобновление вражды с обеих сторон. Фюрер, по моему мнению, должен был знать о наличии программы строительства и его запланированном темпе роста, потому что летом 1937 г. Бломберг знакомил его с этим. Истина заключалась в том, что это больше не соответствовало его личным политическим замыслам; отсюда и следовало его раздражение.

20 мая Чехословакия без всякой причины и довольно внезапно объявила о временной мобилизации своей армии, которая могла быть предназначена только для того, чтобы проучить Германию. Гитлер вернулся в Берлин полный новыми планами и решениями. Он

заявил, что у него нет намерения бездействовать в ответ на эту новую провокацию Чехословакии и не позволит им уйти безнаказанно. Он потребовал, чтобы мы как можно быстрее перешли на военное положение, это требование нашло материальное выражение в изменении, которое он внес во вступительную фразу директивы:

«Мое неизменное решение разгромить Чехословакию военными действиями в ближайшем будущем».

Главнокомандующий сухопутных сил был сразу же устно извещен об этих новых приказах, которые затем были подтверждены самой директивой.

В это время строительство фортификаций на западе – «Западный вал» – было передано Тодту, генеральному инспектору дорожно-строительных работ; ему было предписано довести программу строительства до максимальной скорости, в соответствии с военными и тактическими планами и принципами инженерных войск, с привлечением для выполнения этой задачи строительных подразделений, которые строили автострасы. За восемнадцать месяцев было необходимо построить десять тысяч бетонных укреплений разного типа от наиболее массивных фортификаций до самых маленьких бункеров, тогда как к осени 1938 г. должно было быть построено пять тысяч маленьких бункеров по чертежам, составленным самим Гитлером, для обеспечения защиты от минометного обстрела и тяжелой шрапнели, в основном сосредоточенных вдоль сектора между Карлсруэ и Эксла-Шапель (Ахен).

После подписания наиболее важных распоряжений – приведших к еще большим потрясениям и дальнейшей клевете на ОКВ в военном министерстве – Гитлер в Ютербоге лично проследил за пробными выстрелами по разным по размеру бетонным конструкциям, которые были подвергнуты обстрелу тяжелой полевой гаубицей и минометом, чтобы проверить способность бетона, толщину которого он сам установил, выдерживать бомбардировку. Потом, в этой суматохе, он обратился к командующим генералам армий, которые следили за испытаниями; его целью, как он сказал мне, было нейтрализовать жесткой и объективной критикой пораженческие настроения меморандума Бека по поводу военных возможностей наших предполагаемых врагов и нас самих. Его друг, фон Рейхенау, который по-прежнему был близким другом Гитлера, сообщил ему, что Браухич прочитал меморандум Бека командующим генералам во время совещания, и это оставило у них определенно неблагоприятные впечатления; это было понятно по участию самого Рейхенау в кампании против главнокомандующего сухопутными силами: Рейхенау и Гудериан наперебой друг с другом соревновались, кто больше очернит Браухича.

Речь фюрера была довольно искусной и убедительно раскрывала некоторые уязвимые моменты в меморандуме; так или иначе это была острая критика в адрес Генерального штаба, и в частности его начальника, который соответственно обратился с заявлением об отставке, поскольку он «больше не способен обучать офицеров Генерального штаба». 30 сентября Бек был освобожден от должности и его место занял Гальдер.

Главнокомандующий сухопутными силами попросил, чтобы Бек был назначен командующим группой армий, но фюрер категорически отказался: Бек, по его мнению, был «слишком умным», чтобы быть начальником Генерального штаба; Бек выглядел как закоренелый пораженец и препятствовал его планам, и, возможно, прежде всего, он считался злым гением, который был запачкан своими отношениями с Браухичем. Из того, что видел я сам, я мог безоговорочно согласиться с мнением Гитлера только в этом последнем пункте.

Я не стал плакать по Беку ввиду подлости, с какой он обращался со мной; я всегда был первым, кто признавал его огромные достоинства, и я никогда не думал, что он способен продать свою душу за предательские интриги, как в начале 1938 г., или в дальнейшем стать их духовным лидером. Можно искать мотивы его поведения только в его уязвленном самолюбии и его глубокой ненависти к Гитлеру; вот почему этот некогда безукоризненный офицер делал общее с нашими врагами дело и укрепил их решимость дожидаться нашего пора-

жения, кое-что Бек был не способен сделать сам. Он не был лидером, скорее он выглядел как заговорщик из-за своего жалкого поведения, когда приходило время действия и когда интрига – даже если она приносит зло – требовала человека действия, а не кунктатора [медлительного человека], которым он всегда был; свидетельством чему служат его три бесплодные попытки пустить пулю в свою собственную голову, сидя на стуле!

Для военного министерства и ОКБ лето 1938 г. прошло с предварительным планированием возможных случайностей с Чехословакией (под кодовым названием «Зеленый вариант»). Трудности в его реализации были связаны в основном с проблемами обеспечения: каким образом личный состав и боевая техника сорока неполных дивизий (включая австрийские) могут быть собраны для атаки без малейшего намека на мобилизацию, которую Гитлер категорически запретил?

Основным методом было проведение крупномасштабных «учений» в Силезии, Саксонии и Баварии, с последующим призывом отдельных возрастных групп резервистов, без демобилизации кого-либо из них до того, как закончатся эти «учения»; дивизии должны были быть собраны на военных полигонах, в то время как трудовая армия рейха была бы мобилизована, чтобы занять позиции на западе. Все заметные, но не привлекающие к себе внимания замены нужно было сделать под видом мирных событий: быстро формируемые колонны с боеприпасами и оснащением были якобы связаны с учениями, а перевозки по железным дорогам – со съездом партии рейха. Глядя в прошлое, можно только восхищаться успехом сухопутных сил в реализации всего этого: под руководством Гальдера Генеральный штаб добился казавшегося невозможным, не возбуждая и минимальных подозрений и не позволив кому-либо обнаружить, что на самом деле скрывается за подготовкой к этим «учениям». Их нельзя упрекать за такое плутовство; Гитлер сам предложил большинство этих идей, и главнокомандующий сухопутными силами регулярно информировал его о состоянии дел.

В августе Гальдеру выдался удобный случай совершить путешествие на «Грилле» [яхте фюрера] по случаю инспекции военно-морского флота, чтобы показать фюреру и мне карту его реального оперативного плана. Фюрер задавал множество вопросов, но не высказывал какого-либо особого мнения; он попросил, чтобы на карте были показаны все дислокации и как должны быть развернуты наши войска и краткий меморандум о возможной последовательности событий. Особенно он интересовался, в каких местах вражеской границы запланирован прорыв, поскольку он тщательно изучил их достоинства и недостатки. На этот счет было несколько разных мнений, особенно по применению среднекалиберных установок, которых у нас было ограниченное количество, а также по применению бронетанковых войск и воздушно-десантных операций. Брифинг закончился без его решающего «да» или «нет»: ему [Гитлеру] необходимо было еще раз обдумать все это на досуге. Гальдер был, как всегда, благоразумен и тотчас же повернул к нему карту и все свои заметки с просьбой, чтобы решение было принято поскорее, поскольку нужно издавать приказы для различных армий.

По возвращении в Берлин фюрер изложил мне свои идеи и попросил меня передать их Браухичу. После нескольких передач туда и обратно он объявил, что пока в общем и целом согласен с этим планом, из принципа он был вынужден возразить против плана использования бронетанковых групп, который он хочет видеть измененным, с отражением в нем удара по Праге с юго-западного направления, через Пльзень. Гальдер сообщил мне, что он отказывается вносить такие изменения, потому что большой недостаток среднекалиберной артиллерии вынуждает нас разделить наши бронетанковые силы, чтобы обеспечить пехоте прорыв на наиболее значительных точках. Я не мог поспорить с логикой Гальдера, но по необходимости должен был выполнять приказы Гитлера; я посоветовал Браухичу самому обговорить это с фюрером, но он воздержался от этого.

Кроме того, фюрер во второй половине августа вновь переселился в Берхтесгаден. Это произошло в то время, когда [мистер Невилл] Чемберлен нанес свой первый исторический визит фюреру в Бергхоф, и я и наш министр иностранных дел [фон Риббентроп] были вызваны туда. Визит британского премьер-министра в то время показался мне самым поразительным событием. Пожилой джентльмен на самом деле прилетел из Лондона в Мюнхен; и скорее всего, это вообще первый раз, когда он летел куда-либо. Так называемые «германские проблемы» и сохранение мира были, конечно, важнейшими на повестке дня. Как всегда во время политических встреч, я был просто представителем вооруженных сил, вызванным на встречу и проводы этого гостя, я не принимал участия в переговорах; мое присутствие на этих встречах казалось мне совершенно излишним, однако мне было интересно познакомиться с ведущими политическими деятелями Европы – или, по крайней мере, увидеть их и обменяться с ними несколькими традиционными фразами. Я покинул Бергхоф вскоре после Чемберлена; было очевидно, что Гитлер неудовлетворен результатом встречи.

В первой половине сентября состоялся ежегодный съезд партии рейха, только на этот раз он служил одновременно маскировкой нашего военного сосредоточения в зоне проведения «учений», которые были спланированы таким образом, чтобы в одно время казалось, что общее направление учений обращено к чешской границе, а в другое – в противоположную сторону.

Незадолго до этого майор фон Лоссберг и я привезли в дом фюрера в Мюнхене точное временное расписание событий варианта «Зеленый» [операция против Чехословакии]. Этот график подробно описывал все необходимые шаги наземных и воздушных сил, передвижения войск и приказы, которые нужно издать, и т. д., начиная с даты наступления, дня «Д», и в обратной последовательности.

Этот график был обусловлен двумя характерными принципами:

1. Когда станет невозможным и дальше скрывать перемещения наших войск?
2. Как долго может действовать приказ, останавливающий движение войск?

Этот список критических дат должен был служить Гитлеру проводником, чтобы он проводил свои дипломатические меры в согласии с раскручиванием этого главного военного плана.

Я показал ему, как будет работать график (он был разработан Йодлем в тесном сотрудничестве с боевыми службами). В соответствии с этим планом Гитлер только назначал день «Д», и весь план начинал отлаженно работать, как часовой механизм; и можно было бы в любой день посмотреть, что должно произойти и когда.

Гитлер был удовлетворен этой «программой» и без дальнейшей суеты отпустил нас. В тот раз я впервые увидел убранство его скромной квартиры. После быстрого обеда в ближайшем ресторане Лоссберг и я этим же днем уехали в Берлин по скоростной автострате; это был тяжелый день.

На съезде партии [в Нюрнберге], на котором я в этом году также был обязан присутствовать, Гитлер спросил у меня, внес ли Генеральный штаб поправки в оперативный план в соответствии с его пожеланиями. Я позвонил Гальдеру, и он сказал мне, что нет: они не успели сделать это вовремя, поскольку нужно было выпускать приказы. Я спросил у Гитлера разрешения слетать в Берлин и лично поговорить с Браухичем; я воспользовался предлогом, что по соображениям безопасности было бы неразумно пользоваться телефоном. Я твердо решил не возвращаться в Нюрнберг, не добившись своей цели. Я поговорил с Браухичем наедине, и он осознал ту ситуацию, в которой мы оба теперь находились; он пообещал немедленно поговорить с Гальдером на эту тему. Но когда я позвонил ему двумя часами позже, чтобы узнать его последнее решение, с которым мне нужно было лететь обратно в Нюрнберг, он отверг любые предложения по изменению плана; что было совершенно невероятно, и я должен был сообщить об этом Гитлеру.

Теперь я уже знал фюрера лучше, чем раньше, и я знал, что он не удовлетворится таким ответом; и именно так и произошло. Браухичу и Гальдеру было приказано прибыть к нему в Нюрнберг на следующий день. Разговор между ними начался в отеле «Дойчер Хоф» незадолго до полуночи и продолжался несколько часов: Гитлер убеждал этих упрямцев спокойной и подробной лекцией об использовании современной боевой кавалерии (другими словами, бронетехники); я уже предлагал им вполне компромиссное решение и теперь сожалел о потере такого количества времени, особенно ночью, на то, чтобы, как я и предсказывал, в конце все их сопротивление и все их неоправданное упрямство потерпело крах, с закономерной новой потерей авторитета обоих. К трем часам стало слишком поздно: Гитлер потерял терпение и в категорической форме приказал им объединить бронированные формирования, как он того требует, и использовать их как комбинированные соединения в прорыве через Пльзень. Он отпустил этих господ холодно и мрачно. Когда мы в вестибюле утоляли жажду после поражения в этой битве, Гальдер дрожащим от возмущения голосом спросил у меня: «Чего он на самом деле хочет?» Я был так сердит, что возразил: «Если ты все еще действительно не понимаешь, тогда мне жаль тебя».

Только теперь Браухич внес изменения. Новые приказы были тотчас же составлены, и требования Гитлера были в полной мере удовлетворены. Когда Гальдер переписывал эти приказы, я мог только спросить у Браухича: «Почему вы спорили с ним, если вы знали, что битва уже заранее проиграна? Никто не думает, что из-за этого будет какая-либо война, поэтому все это дело не стоит не больше мелкого арьергардного боя. Ты швыряешь свои козыри в совершенно бесполезных жестах, и в конце концов ты все-таки сдашься на том же самом месте; и тогда, когда это действительно будет вопросом жизни и смерти, твоему противостоянию не хватит необходимого авторитета, чтобы быть действенным».

Я описал это происшествие детально только потому, что оно иллюстрирует характерный пример (спор, который не был даже первого порядка) признаков тех условий, в которых мы должны были работать с Гитлером. Если в его голове возникала идея, ни один человек на земле не мог разубедить его; он всегда поступал по-своему, независимо от того, одобряли это его советники или нет.

Во второй половине сентября [на самом деле 22-23 сентября 1938 г.] Чемберлен нанес нам второй визит, на этот раз в Годесберге, на р. Рейне. Браухич выделил меня и Штюльпнагеля как наблюдателей на случай, если будут обсуждаться военные мероприятия, таким образом, у меня, по крайней мере, было с кем поговорить во время политических дискуссий, которые продолжались несколько часов подряд и на которые мы, военные, никогда не допускались. Ближе к вечеру произошел опасный момент напряжения из-за телеграммы из Праги о мобилизации чешской армии. Пока я звонил Йодлю и договаривался с ним, чтобы прояснить ситуацию у нашего военного атташе в Праге, Гитлер диктовал письмо британскому премьер-министру о том, что он считает себя полностью свободным в действиях и, если необходимо, будет готов защищать интересы Германии силой оружия, если текущие переговоры будут сорваны мобилизацией чехов. К счастью, это донесение было опровергнуто Йодлем и самим Чемберленом, в итоге переговоры возобновились на следующий день и закончились если не с окончательным решением, то, по крайней мере, с созданием приемлемой базы для избежания войны. С наступлением сумерек мы вылетели обратно в Берлин, совершив круговой облет бушевавшей над всей страной грозы; это было потрясающее зрелище, наблюдать электрические разряды с высоты больше десяти тысяч футов [более трех километров] с молниями, вспыхивающими и выше, и ниже нашего самолета.

На следующий день я поехал в гости к директору [главному управляющему] компании «General Electric» Люентичу поохотиться на оленя, и на второй день, в местечке Д., под Берлином, я подстрелил самого большого оленя в своей жизни; мне это показалось хорошим знаком в приближавшемся решении чешского вопроса.

Как известно, в конечном счете вмешательство Муссолини привело к переговорам в Мюнхене между четырьмя политическими деятелями в доме фюрера на Кенигглихерплац в конце сентября. Единственный политик, которого я еще не знал, был М. Даладье, с которым меня познакомил французский посол Франсуа Понсе, когда мы все выпивали у маленькой буфетной стойки. Я не присутствовал на переговорах, несмотря на то что Геринг принимал в них участие. Итог их [то есть переход к Германии Судетов] хорошо известен, но я не думаю, что широко известно, что именно Даладье был тем, кто в конечном счете смягчил жесткую позицию британского премьер-министра по вопросу Судет, сказав: «Мы не допустим войны из-за этого, чехи должны просто отступить. Мы просто обязаны вынудить их согласиться пойти на уступки». Шмундт записал эти слова, когда они ушли.

На этой конференции послов, где решалось, какие территории должны быть переданы, было представлено и наше военное Верховное командование, потому что, хотя этнические и языковые барьеры были определяющими факторами, новый стратегический рубеж и отсечение чешских приграничных укреплений играли важную военную роль: я отдал указания, и они при посредстве моего наблюдателя служили точкой отсчета для сотрудников нашего министерства иностранных дел. Весьма ценная услуга, оказанная нам Франсуа Понсе в обеспечении признания германских требований, и его шутивная угроза остальным: «Ну-ка, торопитесь! Старик (Гитлер) уже едет в Берлин» – все это уже история. На самом деле Франция не стремилась вступать в войну из-за проблем Германии на востоке; Гитлер осознавал это и безоговорочно верил в пассивность Франции – он неоднократно заверял их, что он никогда не развяжет войну с ними из-за Эльзас-Лотарингии – это стало пагубным для итога дипломатических переговоров по польской проблеме, поскольку после Мюнхена Англия стала думать совсем по-другому и вынудила Францию присоединиться к своему лагерю.

Я уверен, что быстрый прогресс, достигнутый нами с лета 1938 г. в строительстве западных укреплений, и масштаб рабочей силы и материальных затрат, выделенных нами для них, – все это существенным образом повлияло на французов, заставив их пересмотреть договор о союзе, который они гарантировали Чехословакии¹¹.

В начале мая я сопровождал фюрера в инспекционной поездке по местам строительства, которые в то время все еще разрабатывались исключительно военными инженерами. Программа строительства была под общим командованием штаба второй группы армий в Касселе. По моему предложению генерал Адам, один из протеже Бломберга и до этого командующий Военной академией в Берлине, был назначен преемником кавалера фон Лееба на должности главнокомандующего второй группой армий 1 апреля 1938 г. Тогда я считал, что такой подходящий и одаренный генерал – до Бека он был начальником Генерального штаба – не может быть связанным с Военной академией, и назначил его под руководство Браухича.

Адам приветствовал фюрера, как занимающий должность главнокомандующего Западным фронтом, и произнес вступительную речь о перспективах обороны Западного фронта, принимая во внимание выделенные ему войска военного министерства и достигнутое текущее состояние в строительстве укреплений. Согласно тому, что Адам позднее сам сказал мне, его замечания соответствовали мнению, которого в данный момент придерживался Бек, служивший в то время начальником Генерального штаба; он выразил недвусмысленное намерение разоблачить слабые места всей системы и невыполнимость попытки эффективного сопротивления на западном берегу Рейна более нескольких дней. Главной целью всего этого было отговорить Гитлера от его планов нападения на Чехословакию, которые уже предчувствовались и, возможно, были частично известны.

¹¹ В рукописи Кейтеля далее следует дополнительное описание строительства Западного вала, которое было опущено. (Примеч. ред.)

Генерал Адам, который был назначен главнокомандующим Западным фронтом, с радостью воспользовался этим удобным случаем, чтобы дать понять, что он хочет существенного увеличения своих явно недостаточных сил; какой главнокомандующий, в действительности, не поступил бы так, ведь войск никогда не бывает слишком много? Но он также взял на себя описание своего затруднительного положения в действительно резких выражениях и, кроме того, в своей специфической манере речи, которая никогда не была дипломатической.

Итогом стала новая вспышка Гитлера, который сразу отверг эти жалобы; это была весьма затруднительная ситуация, которая едва урегулировалась, когда Гитлер прервал речь генерала Адама грубым «Благодарю вас» и отпустил его. Я был вынужден остаться и выслушать его гневную тираду, что этот генерал сильно разочаровал его, и он должен будет удалиться; ему нет пользы от генералов, которые с самого начала не верят в свое задание. Мои протесты, что Адам имел в виду совсем не это, что он хотел только выявить проблемы, насколько возможно, и что он – один из наших самых компетентных генералов, были бесполезны; Браухичу он прочитал такую же нотацию, и этот выдающийся солдат был отправлен на пенсию.

Мы проехали вдоль границы в несколько долгих этапов. В нескольких местах Гитлер приказал придвинуть оборонительные сооружения вплотную к государственной границе, например, в Экс-ла-Шапель (Ахен), Саарбрюккене и т. д. Гитлер вмешивался везде лично, заявляя, что планы Генерального штаба были ошибочны и неправильно поняты.

В конце августа [точнее, с 27 по 29 августа 1938 г.] я сопровождал Гитлера в его второй поездке к Западному валу, теперь в стадии, близкой к завершению. Генерал фон Вицлебен сопровождал нас, получая многочисленные подробные инструкции по дальнейшим усовершенствованиям, которые тотчас же передавались Тодту в качестве приказов. Сухопутные силы теперь отвечали только за тактическую разведку и размещение точек, а также за проекты боевых укреплений. Эта поездка служила одновременно и второй цели: как устрашение для Франции.

Вскоре после поездки в Мюнхен мне стало совершенно ясно, что, пока Гитлер был вполне счастлив от политической победы, одержанной над Британией, он должен был воздерживаться от стратегического решения чехословацкой проблемы, поскольку его начальными намерениями было принудить Чехословакию к тесному военному альянсу с Великим Германским рейхом договорными обязательствами или, если первое окажется невозможным, силой оружия.

Так как становилось все более и более очевидно, что мирным способом победа над Чехословакией не предвидится, поскольку теперь она получила твердую поддержку европейских держав, в конце октября 1938 г. начал обретать очертания план по уничтожению этой страны, как вражеской, посредством вооруженных сил при первом же удобном случае. Чехословакия была уже весьма ослаблена потерей своих приграничных укреплений. Таким образом, к концу октября были изданы подготовительные директивы по поддержанию военной готовности до того времени, когда все политические требования будут – так или иначе – достигнуты, используя широко рекламируемую борьбу Словакии за независимость.

Таким образом, окончательное решение чешского вопроса было фактически отложено в долгий ящик, когда генерал Йодль оставил в конце октября пост в Верховном командовании, чтобы перейти в действующую армию на пост командующего артиллерийским соединением в Вене. Если бы у меня были хоть какие-то подозрения, что в ближайшем будущем начнется война, я никогда не позволил бы ему уйти таким образом. После несчастия, произошедшего с генералом фон Вибаном в марте и апреле, я решил продолжать без замещения Йодля в должности начальника оперативного штаба и передал его работу полковнику Варлимунту, главе департамента национальной безопасности, в близком содействии со мной.

Чешские приграничные фортификации [в перешедшей к нам области] пробудили большой интерес не только среди нас, солдат, но, как и следовало ожидать, также и Гитлера; они были построены по модели французской линии Мажино, под наблюдением французских инженеров-строителей. Мы были весьма удивлены мощностью больших блокгаузов и пулеметных гнезд; некоторое количество испытательных выстрелов нашими стандартными артиллерийскими орудиями по укреплениям произошли в присутствии фюрера. Самым удивительным была продемонстрированная проникающая способность 88-миллиметровых зенитных орудий, способных насквозь пробить обычный бункер прямой наводкой с расстояния двух тысяч ярдов¹², способность, которую фюрер требовал от них при проектировании; таким образом, он оказался прав, приказав использовать их подобным способом¹³.

В начале ноября 1938 г., после того как Верховному командованию было приказано переориентировать исследования Генерального штаба на повторное завоевание городов Данциг [ныне Гданьск] и Мемель, на случай, если обстановка будет благоприятствовать выполнению этого плана, я должен был проехать с инспекцией восточных фортификаций. Он [Гитлер] сказал мне, что хочет создать представление о мощи наших укреплений против Польши: чтобы никто не мог предположить, объяснил он, что данцигское дело – а возвращение Данцига в рейх было его неизменной мечтой – могло бы привести к конфликту с самой Польшей. Я попросил Браухича организовать эту инспекционную поездку и сказал, что речь не идет о его собственном участии в ней, поскольку он участвовал в двух предыдущих поездках на запад. Его манера отступать на задний план всякий раз, когда дело касалось избежания противоречий, или уклоняться от вовлечения в неподобающие споры давно была известна и не нравилась мне, потому что тогда они все нападали на меня и обвиняли в том, что я недостаточно отстаиваю интересы сухопутных сил.

Мое предчувствие более чем оправдалось; несмотря на то что генерал-инженер Ферстер храбро защищал то, что было достигнуто в значительной степени под его командованием на главных фортификационных работах на изгибах рек Одера и Варты, Гитлер не смог сказать ни о какой из них каких-либо теплых слов: эти громадные сооружения были «бесполезными ловушками для людей» без огневой мощи и только с одной или двумя жалкими маленькими пулеметными башнями и т. д. Окончательным итогом стало увольнение генерала Ферстера с его должности. Потребовались большие хлопоты и мое личное обращение к фюреру, чтобы он был назначен командиром 6-го армейского корпуса в Менстер.

Восточный вал так сильно занимал внимание Гитлера во время этой зимы, что некоторое время спустя он инспектировал Одерский фронт от Бреслау [ныне Вроцлав] до Франкфурта-на-Одере, только в этот раз без меня. В этот раз причиной его огорчения стали насыпные укрепления, потому что они были хорошо видны врагу с некоторого расстояния. В данном случае правота Гитлера впоследствии была доказана во время нашей французской кампании; чтобы разрушить любой французский бетонный бункер, видимый на противоположном берегу реки, требовалось только одно прямое попадание нашего 88-миллиметрового орудия.

Так или иначе, несмотря на все проблемы, созданные для военного министерства, усиленная работа на восточных фортификациях и особая роль Восточной Пруссии (которой я не буду здесь касаться) принесли всем нам успокоительное чувство, что нам уже не нужно исследовать возможность войны с Польшей в ближайшем будущем, при условии, конечно, что на нас не нападут. Естественно, даже Гитлер не исключал последнего варианта, поскольку всегда была вероятность, что поляки могут прийти на помощь Чехословакии.

¹² Примерно два километра. (Примеч. пер.)

¹³ Далее в рукописи Кейтеля следует дополнительное описание строительства Западного вала, которое было опущено редактором. (Примеч. ред.)

При этих обстоятельствах весной 1939 г. возникла новая директива ОКБ «О развертывании и боевых действиях»; фактически, она служила только для *оборонительных* целей, если бы Польша, поддерживаемая и подстрекаемая западными державами, предприняла против нас действия, либо из-за данцигской проблемы, либо в связи с ней.

Ради исторической точности я должен повторить, что эта директива была исключительно *оборонительного* характера. Я уверен, что Браухич уже подтвердил это на даче свидетельских показаний.

С моим назначением на должность начальника ОКБ я перестал быть свободным человеком: всякая свобода распоряжаться своим временем или заняться семейными делами должна была смениться моей постоянной зависимостью от Гитлера и его непредсказуемых требований ко мне. Как часто мне приходилось прерывать мои и без того короткие выходные в Хельмшереде или поездки на охоту в Померанию, чтобы прибыть к нему, чаще из-за его мелкой прихоти, чем из-за какого-либо существенного повода. Хотя мне легко предоставлялись отпуска, но поездки фюрера из штаб-квартиры в Берлин совершенно безжалостно отменяли их, и меня вызывали вновь. Была ли в этом отчасти моя собственная вина из-за моего сильно развитого чувства долга, или это происходило потому, что служба адъютантов Гитлера не решалась притормозить эти требования, я не знаю; к сожалению, я никогда не знал, что «висело в воздухе», пока не прибывал. Обычно происходило что-то, в чем разобратся мог только я, и, как правило, в этом не было ничего привлекательного.

Разве мне выпадало когда-нибудь хоть несколько свободных часов, чтобы я мог провести их с женой и детьми? Мирной жизни для меня уже не было, хотя еще и не началась война, привязавшая меня к штабу. Моя жена переносила все это с поразительным спокойствием. Каким мужем и отцом я мог быть для нее и наших детей, приходя домой нервным и раздраженным, каким я был теперь постоянно? Теперь, когда мы уже не считали каждую копейку и когда могли брать билеты в театр каждую неделю и позволить себе некоторую роскошь, у меня не было на это времени. Я был привязан к своему рабочему столу почти каждый вечер, с трудом продвигаясь сквозь горы работы, накапливающейся за день. Я часто приходил домой смертельно усталым и сразу же проваливался в сон.

Кроме всего этого, я ощущал ответственность теперь не только за Хельмшерод и мою замужнюю сестру в Веркирхе, но так же и за детей Бломберга: теперь, когда их отец был за границей, у них не было никого, кроме меня.

Вначале Бломберг писал мне регулярно, часто с многочисленными просьбами, которые я с радостью выполнял. Через несколько недель после его отъезда я получил от него телеграмму из Италии: «Срочно отправь ко мне моего сына Акселя с паспортом и иностранной валютой на дорожные расходы, чтобы обсудить со мной жизненно важное дело».

Я вызвал к себе его сына – он служил лейтенантом в военно-воздушных силах – и отправил его к отцу. Вернулся он восемь дней спустя и передал мне письмо от отца, написанное после долгого разговора с ним. В этом письме он просил меня сообщить Гитлеру, что он хочет разойтись со своей женой, хотя он сделает это, только если фюрер вновь вернет ему свое расположение и восстановит на службе. Я попросил фюрера самого прочесть это письмо, как я и предполагал, он сразу же отверг подобное условие, напомнив, что он уже приказывал ему немедленно расторгнуть этот брак. Тогда Бломберг отверг это, пояснив, что для него это невыполнимое требование, сказал Гитлер, поэтому каждый должен следовать своим собственным путем, и время невозможно повернуть назад. Хотя я очень деликатно сообщил об этом Бломбергу, он потом всегда считал, что это я добился отказа Гитлера из чистого эгоизма, чтобы сохранить мою должность начальника Верховного командования. Я узнал все это только потом от Акселя Бломберга. Моим собственным заверениям в обрат-

ном он не поверил, и, хотя и не по моей вине, в наших до сих пор дружеских отношениях возникло растущее напряжение.

Свадьба наших детей [Карла Хейнца Кейтеля и Доротеи фон Бломберг] состоялась в мае. Я замещал обоих отцов и после венчания устроил свадебный банкет в главном зале военного министерства, в то время как сама предсвадебная вечеринка проходила в нашем собственном доме, весьма частным образом.

Ганс Георг блестяще сдал выпускные экзамены пасхальной сессии 1938 г. в своей летней школе, но учителя оценили его характер и поведение выше, чем его знание древних языков, которые были одним из его самых слабых мест. Когда он принял решение покинуть дом и стать солдатом, моя жена пережила это очень тяжело; теперь она большую часть времени оставалась одна, поскольку обе наши дочери делали собственную карьеру. Нора работала дома по вечерам, а Эрика любила ходить на вечеринки, в театры и кино, и у нее был обширный круг друзей.

Хотя все разнообразные официальные приемы были интересны для моей жены и меня, но они все-таки входили в служебные обязанности и отнимали у нас много вечеров, которые, будь у нас свобода выбора, мы бы провели совсем иначе; но все это теперь было неотъемлемо связано с моей работой. Мы не завели дружеских отношений ни с семьями высокопоставленных руководителей государства, ни с семьями партийных лидеров, не говоря уже о дипломатическом корпусе. Нужно было либо выезжать на приемы, либо самим принимать официальных гостей, а это происходило только по необходимости. Моя жена пользовалась репутацией мастера держать свой рот на замке и оставаться в тени; говорили, что я был «скользкий как угорь», и вскоре все прекратили всякие попытки пообщаться со мной. Для дипломатов я был скучным и непонятным, как сфинкс, в противоположность своему предшественнику Рейхенау, который любил играть первую скрипку в этом специфическом оркестре.

В феврале 1939 г. махинации чехов начали усиливаться: пресса все чаще и чаще публиковала сообщения о приграничных конфликтах и произволах против немецких меньшинств в Богемии и Моравии. В Прагу были посланы официальные ноты, и наш посол [Фридрих Айзенгольд] был вызван в Берлин вместе с нашим военным атташе полковником Туссенем.

Фюрер неоднократно повторял, что он терпел это столько, сколько смог, и больше мириться с этим не намерен. Я понимал, что так называемая зачистка остатка Чехословакии приближается. Несмотря на то что, когда я спросил у фюрера, он не высказал ни своих окончательных намерений, ни сообщил мне какой-либо даты, я предпринял необходимые меры, чтобы знать, что военное министерство будет точно готово в случае необходимости произвести быстрое и внезапное вторжение. В моем присутствии фюрер позвонил Браухичу, обсудил все более невыносимое положение немецких меньшинств в Чехословакии и объявил, что он принял решение о военном вмешательстве, которое он называет «операцией усмирения»; это безусловно не требует какого-либо воинского призыва более того, чем это предусматривалось приказами осени 1938 г. Поскольку мы, солдаты, – и даже я – ничего не знали о дипломатических инициативах между Прагой и Берлином, кроме того, что нам сообщил наш военный атташе, мы вынуждены были только строить предположения; мы ожидали дипломатических сюрпризов, чему мы были свидетелями уже несколько раз до этого.

Я делал ставку на «мартовские иды»: не считая 1937 г., это с 1933 г. всегда было датой, на которую Адольф Гитлер назначал свои действия. Было ли это чистым совпадением или суеверием? Я склонен верить в последнее, да и Гитлер сам часто намекал на это.

Действительно, 12 марта [1939 г.] сухопутные войска и военно-воздушные силы получили предварительный приказ быть готовыми к возможному вторжению в Чехословакию в шесть часов утра 15 марта; до этого войска должны были не приближаться к границе ближе

чем на шесть миль¹⁴. Никто из нас, военных, не знал, какие обстоятельства должны были стать поводом для этого нападения.

Когда я в полдень 14 марта прибыл в рейхсканцелярию к фюреру для получения его распоряжений вооруженным силам, готовность которых на следующий день была обеспечена в соответствии с его приказами, он просто кратко напомнил мне, что президент Гаха вчера объявил о желании приехать для переговоров по этому кризису и он ожидает его прибытия в Берлин этим вечером. Я попросил его разрешения немедленно предупредить военное министерство, что в связи с этими обстоятельствами вторжение должно быть отсрочено на некоторое время. Гитлер решительно отверг мое предложение и объяснил, что бы ни случилось, он по-прежнему планирует вступить в Чехословакию на следующий день – каким бы ни был итог переговоров с чешским президентом. Там не менее, мне было приказано находиться в его распоряжении с девяти часов этого вечера в рейхсканцелярии, для того чтобы я мог передать в военное министерство и Верховному командованию военно-воздушными силами его исполнительный приказ о начале вторжения.

¹⁴ Около 10 км. (Примеч. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.